

РЕКС
СТАУТ

ЛИГА
ПЕРЕПУГАННЫХ
МУЖЧИН

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

Рекс Стаут
Лига перепуганных мужчин

Rex Stout

THE LEAGUE OF FRIGHTENED MEN

Copyright © 1935 by Rex Stout

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency

© Д. В. Попов, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

Глава 1

Днем в пятницу мы с Вулфом сидели в кабинете. Как потом оказалось, имя Пола Чапина и его остроумные представления о том, как отомстить всем и при этом избежать расплаты за содеянное, в любом случае привлекли бы наше внимание. Однако в ту ноябрьскую пятницу дождь и отсутствие выгодных дел, столь затянувшееся, что становилось тягостным, привели нас к прологу спектакля, который уже готов был начаться.

Вулф пил пиво и разглядывал рисунки снежинок в книге, которую ему прислали из Чехословакии. Я же перечитывал утреннюю газету. Сначала изучил ее за завтраком, потом полчаса просматривал после проверки отчетности с Хорстманом в одиннадцать утра. И вот теперь снова штудировал ее без особого энтузиазма в надежде отыскать статейку-другую, чтобы дать пищу для ума, который, по моим ощущениям, был весьма близок к усыханию. Да, я читаю книги, но пока ни одна из них не доставила мне удовольствия, поскольку меня не покидает чувство, что в них нет ничего живого, что все там мертво, кануло в былое. И какой же тогда в них смысл? С тем же успехом можно пытаться получать удовольствие от пикника на кладбище. Однажды Вулф спросил меня, какого черта я вообще притворяюсь, будто читаю книги, и я ответил ему, мол, из соображений культуры. В таком случае, заявил он, я могу не утруждать себя, ведь культура, как и деньги, легче всего приходит к тем, кто нуждается в ней меньше всего. Как бы то ни было, к середине дня я уже дважды прочел утреннюю газету от корки до корки, хотя она была немногим лучше книги, но я цеплялся за нее как за средство от дремоты.

Вулф как будто целиком погрузился в рисунки. Взглянув на него, я подумал: «Он борется со стихией. Пробивается сквозь бушующую пургу, удобно устроившись в кресле и разглядывая картинки. В этом

и заключается преимущество быть художником, обладать воображением». Вслух же я произнес:

– Только не засыпайте, сэр, это очень опасно. Вы замерзнете до смерти. – Вулф перевернул страницу, проигнорировав меня, тогда я зашел с другой стороны. – В партии из Каракаса, от Рихардта, недоставало двенадцати клубней. Он никогда не возмещал недостачу, насколько я знаю. – По-прежнему безрезультатно, но я не унимался: – Фриц сказал, что присланная индейка – сорок один цент за фунт – слишком стара и будет жесткой, если ее не прожаривать два часа, а это, по вашим словам, ухудшает вкус. Так что индейка удовольствия не принесет.

Вулф перевернул следующую страницу. Посверлив какое-то время его взглядом, я принялся снова:

– Вы читали статью в газете о женщине, у которой есть ручная обезьянка? Она еще спит в изголовье ее кровати и обматывает хвост вокруг ее запястья. И так всю ночь. А другую, про мужчину, который нашел на улице ожерелье и вернул его владелице, а та заявила, что он якобы украл с него две жемчужины, и его арестовали? А про человека, выступившего свидетелем в деле о непристойной книжке? Адвокат спросил его, с какой целью он написал эту книгу, и тот ответил, что, мол, совершил убийство, а все убийцы должны рассказывать о своих преступлениях. Вот он и решил осуществить это таким образом. Все равно не понимаю замысла автора. Если книга непристойная, то она в любом случае непристойная, и какая тогда разница, зачем ее написали? Адвокат говорит, будто непристойность не имеет значения, если автор стремился к достойному литературному замыслу. С тем же успехом можно сказать, будто совершенно не имеет значения, если я намеревался швырнуть камень в консервную банку, а попал вам в глаз. И точно так же можно сказать, что я хотел подарить своей бедной старой бабушке шелковое платье, и ничего страшного нет в том, что я взял деньги из пожертвований Армии спасения. Или точно так же можно сказать...

Я умолк. Мне все-таки удалось достать Вулфа. Он не оторвал глаз от страницы, не качнул головой, и его массивное тело в специально изготовленном гигантском кресле за столом даже не шелохнулось, однако я заметил, как слабо дернулся его указательный палец – его грозный жезл, как он однажды отозвался о нем, – и понял, что достал его.

– Арчи, заткнись! – произнес он.

– Ни за что, сэра, – ухмыльнулся я. – Великий Боже, мне что, сидеть здесь, пока я не отдам концы? Мне позвонить в Агентство Пинкертона и спросить, не надо ли им последить за номером в гостинице или что-нибудь вроде этого? Если уж вы храните в доме ящик с динамитом, то извольте ожидать, что рано или поздно раздастся «бум!». Вот что я такое – ящик с динамитом. Мне пойти в кино?

Огромная голова Вулфа чуть наклонилась вперед, что для него означало выразительный кивок.

– Сделай такое одолжение. И немедленно.

Я поднялся из кресла, но на полпути из комнаты швырнул газету на свой стол, развернулся и вновь взялся за свое.

– Что было не так с моими аналогиями? – потребовал я объяснений.

Вулф перевернул следующую страницу.

– Скажем так, – прошептал он терпеливо, – по части аналогий тебе нет равных. Скажем так.

– Ладно. Скажем так скажем. Я вовсе не ищу ссоры, сэра. Черта с два! Я просто вот-вот надорвусь от напряжения, пытаюсь выдумать третий способ, как скрестить ноги. Это изводит меня уже больше недели. – Тут у меня мелькнула мысль, что самого-то Вулфа подобная проблема никогда не донимала, ведь ноги его были такими толстыми, что никаким на свете приемом скрестить их не удалось бы. Я решил не вдаваться в подобные детали и переменял тему: – Я настаиваю: коли книга непристойная, то она и будет непристойной, пускай у автора хоть вереница замыслов длиной с дождливый день.

А тот парень на свидетельском месте вчера – псих. Разве нет? Ну скажите же! Или он просто любой ценой хотел получить заголовки на всю полосу газеты? А цена вышла пятьдесят зеленых за неуважение к суду. К тому же получилась недорогая реклама для его книги. Он мог бы хоть полвека покупать четыре дюйма на литературной странице «Таймс», но это и рядом не стояло бы. Но пожалуй, этот парень все-таки псих. Он сказал, будто совершил убийство, а все убийцы обязаны исповедаться, и тогда он написал книгу, изменив имена и обстоятельства, чтобы не подвергнуть себя опасности. Судья был просто кладезем остроумия и язвительности. Сказал, что, хотя парень и сочиняет истории и предстал перед судом, ему вовсе не обязательно добиваться должности судейского шута. Готов поспорить, адвокаты от души посмеялись. А? Но автор заявил, что это вовсе не шутка и именно поэтому он написал книгу, а какая-либо непристойность в ней лишь случайность. Он и в самом деле кого-то там кокнул. Так что судья облегчил его на пятьдесят баксов за неуважение к суду и прогнал со свидетельской трибуны. Псих он или нет? Скажите же мне.

Исполинская грудь Вулфа поднялась и опустилась. Он вложил в книгу закладку, закрыл ее, водрузил на стол и осторожно откинулся в кресле. Потом дважды моргнул:

– Ну?

Я подошел к своему столу, взял газету и открыл ее на нужной странице:

– Может, и ничего. Уверен, он просто псих. Его зовут Пол Чапин, и он написал несколько книжек. Эта называется «К черту неудачников!». В тысяча девятьсот двенадцатом году окончил Гарвард. Он кривой. Тут говорится, что он доковылял до трибуны на искалеченной ноге, но не говорится на какой.

Вулф поджал губы.

– Неужели, – поинтересовался он, – «кривой» – это сокращение от «кривобокий» и ты используешь это слово в качестве метафоры к «калеке»?

– Не знаю, что там до метафоры, но в моем кругу «кривой» означает «калека».

Вулф снова вздохнул и приступил к процедуре подъема из кресла.

– Слава богу, – заявил он, – времени на дальнейшие аналогии и разговорные выражения у меня нет.

Часы на стене показывали без одной минуты четыре – время подниматься в оранжерею. Вулф встал, одернул жилет, но ему, как обычно, не удалось прикрыть им складку выбившейся ярко-желтой рубашки, и двинулся к двери, но на пороге остановился:

– Арчи...

– Да, сэр.

– Позвони в магазин Мюрже, чтобы немедленно выслали экземпляр «К черту неудачников!» Пола Чапина.

– Возможно, они не смогут. До решения суда книга запрещена.

– Вздор! Поговори с Мюрже или Баллардом. Какой смысл в судебном процессе по непристойности, если не в популяризации литературы?

Он направился к лифту, а я сел на свое рабочее место и взялся за телефон.

Глава 2

На следующее утро, в субботу, после завтрака я какое-то время развлекался с отчетностью по оранжерее, а затем вернулся на кухню допекать Фрица.

Вулф, естественно, до одиннадцати не спустится. Крыша старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, где он проживал вот уже двадцать лет, а последние семь из них и я, была застеклена и разбита на секции, в которых под бдительным присмотром Теодора Хорстмана поддерживались различные температурные и влажностные режимы для десяти тысяч орхидей, выстроившихся рядами на стойках и стеллажах. Вулф как-то заметил мне, что орхидеи суть его наложницы: бессодержательные, дорогостоящие, паразитические и темпераментные. Он доводил их, во всем многообразии форм и окрасок, до пределов совершенства и затем просто раздавал – ни одной ни разу не продал. Его терпение и искусство, подкрепляемые преданностью Хорстмана, приводили к потрясающим результатам и прославили оранжерею в разнообразнейших кругах тех, чьи интересы сосредоточивались на кабинете внизу. В любую погоду и при любых обстоятельствах четыре часа в день на крыше с Хорстманом – с девяти до одиннадцати утра и с четырех до шести дня – оставались непреложными.

В то субботнее утро я в конце концов вынужден был признать, что добродушие Фрица мне не по силам. К одиннадцати часам я снова оказался в кабинете и старательно делал вид, будто там есть чем заняться, если поискать, однако в притворстве преуспел не особо. Меня одолевали следующие мысли: «Леди и джентльмены, друзья мои и клиенты, я вовсе не требую от вас настоящего дела со всякими хлопотами, деятельностью и наживой. Просто подкиньте нам хоть что-нибудь! Я даже выслежу для вас хористку или устрою засаду в

ванной на вора зубной пасты, все вплоть до промышленного шпионажа. Все...»

Вошел Вулф и пожелал доброго утра. Просмотр почты много времени у него не отнял. Затем он оставил автограф на паре чеков, что я выписал на счета, отложенные им днем ранее, со вздохом поинтересовался, каков банковский баланс, и продиктовал несколько коротких писем. Я перепечатал их и вышел из дому бросить в почтовый ящик. Когда я вернулся, Вулф, откинувшись в кресле, как раз принимался за вторую бутылку пива, и мне показалось, что я заметил его взгляд из-под прикрытых век. По крайней мере, утешился я, он хоть опять не взялся за эти прелестные снежинки. Я уселся за стол и убрал пишущую машинку.

Вулф начал лекцию:

– Арчи, можно узнать все на свете, что только возможно узнать, если достаточно долго ждать. Единственный недостаток в буддийском надеянии как в способе приобретения знаний и мудрости – это прискорбно малый срок человеческой жизни. Он отсиживает первую строфу первой песни прелюдии и затем отправляется на встречу с... скажем так, с неким аптекарем.

– Да, сэ. Вы хотите сказать, мы всего лишь будем сидеть здесь и многое узнаем.

– Не многое. Но с каждым веком чуточку больше.

– Вы – может быть. Но только не я. Если я просижу здесь еще хоть два дня, то, черт возьми, настолько отупею, что больше ничего не узнаю!

В глазах Вулфа мелькнула слабая искорка.

– Не хотел бы показаться загадочным, но в твоем случае не означало бы это рост?

– Конечно, – проворчал я. – Если бы вы однажды не велели мне никогда больше не посылать вас к черту, сейчас я именно так и поступил бы.

– Хорошо. – Вулф залпом выпил пиво и вытер губы. – Ты обижен. Значит, вероятно, и пробужден. Мое вступительное высказывание

было чем-то вроде комментария на недавнее событие. Ты наверняка помнишь, что в прошлом месяце пробыл десять дней в командировке, оказавшейся весьма неприбыльной, и что в твое отсутствие твои обязанности здесь выполняли два молодых человека.

Я кивнул. И ухмыльнулся. Один из них был телохранителем Вулфа от столичного агентства, а другой – стенографом от Миллера.

– Конечно помню. На короткой дистанции смогли управиться двое.

– Совершенно верно. В один из этих дней сюда пришел мужчина и попросил спасти его от нависшего рока. Он выразился не так, но суть заключалась именно в этом. Взяться за его заказ оказалось невозможным...

Я уже открыл ящик своего стола, извлек из него скоросшиватель, пролистал бумаги.

– Да, сэр. Нашел. Я прочитал этот отчет дважды. Он немного обрывочен: стенограф Миллера оказался не слишком расторопным. Он не смог записать...

– Фамилия – Хиббард.

Пробежавшись по напечатанным страницам, я кивнул:

– Эндрю Хиббард. Преподаватель психологии в Колумбийском университете. Приходил двадцатого октября, в субботу, то есть ровно две недели назад.

– Прочти это.

– Viva voce? ^[1]

– Арчи, – Вулф устремил на меня взор, – где ты этому нахватался, где ты научился произношению и что, по-твоему, это означает?

– Мне прочитать эту запись вслух, сэр?

– Но только не громко, черт возьми! – Вулф осушил бокал, откинулся в кресле и сплел пальцы на животе. – Приступай.

– Понял. Сначала идет описание мистера Хиббарда. «Невысокий джентльмен, около пятидесяти лет, острый нос, темные глаза...»

– Хватит. Для этого я могу напрячь свою память.

– Да, сэ́р. Судя по всему, мистер Хиббард начал со слов: «Здравствуйте, сэ́р, меня зовут...»

– Пропусти любезности.

Я пробежал глазами страницу:

– Отсюда пойдет? Мистер Хиббард сказал: «Мне посоветовал обратиться к вам один друг, чье имя упоминать нет необходимости, но движущей силой послужил обычный страх. Меня привел сюда ужас».

Вулф кивнул. Я начал читать с отпечатанных листов.

М и с т е р В у л ф. Да. Расскажите о них.

М и с т е р Х и б б а р д. Как вы могли понять по моей визитке, я работаю на кафедре психологии в Колумбийском университете. Поскольку вы специалист, то, возможно, замечаете на моем лице и в манерах стигматы страха, граничащего с паникой.

М и с т е р В у л ф. Я вижу лишь, что вы расстроены. И я не могу знать, хроническое это состояние или нет.

М и с т е р Х и б б а р д. Хроническое. По крайней мере, становится таковым. Поэтому-то я и прибегнул к... к вам. На меня обрушилось непосильное бремя. Моя жизнь в опасности... Нет, не так, еще хуже: я лишен права на жизнь. Я признаю это.

М и с т е р В у л ф. Конечно. Я тоже, сэ́р. Все мы.

М и с т е р Х и б б а р д. Чушь! Простите. Я не подразумеваю первородный грех. Мистер Вулф, меня хотят убить. Некий человек собирается меня убить.

М и с т е р В у л ф. Вот как. Когда? Как?

Тут Вулф вмешался:

– Арчи... Можно обойтись без «мистеров».

– Да, конечно. Этот стенограф потрудился на славу, ни одного не пропустил. Наверное, его вышколили всегда относиться к своему нанимателю уважительно, примерно сорок четыре часа в неделю, в зависимости от обстоятельств. Ладно.

Х и б б а р д. Этого я не могу вам сказать, потому что не знаю. В этой истории есть также некоторые аспекты, о которых я вынужден

умолчать. Я могу рассказать вам... Что ж... Много лет назад я причинил вред, и вред непоправимый, одному человеку. Я был не одинок. В этом замешаны и другие, но волей случая основная ответственность лежит на мне. По крайней мере, я так считаю. То была мальчишеская выходка... С трагическим исходом. Никогда себе этого не прощу. Равно как и другие причастные – по крайней мере, большинство из них. Не то чтобы я так болезненно к этому относился, ведь это произошло двадцать пять лет назад. Я психолог, а потому слишком занят болезнями других, чтобы отвлекаться на свои. Так вот, мы покалечили того мальчишку. Погубили. По сути. Естественно, мы ощущали свою вину, и на протяжении всех этих двадцати пяти лет некоторые из нас вынашивали мысль загладить ее. Мы действовали в соответствии с этой мыслью... Иногда. Ну, вы понимаете: мы занятые люди, большинство из нас. Мы никогда не отказывались от этого бремени, и время от времени кто-нибудь из нас старался его нести. Это было нелегко для дола... Другими словами, по мере взросления мальчик становился все более странным. Я выяснил, что еще в начальной школе он проявлял признаки таланта, и, несомненно, в университете... то есть, насколько мне известно, после травмы, он обладал сущей гениальностью. А потом гениальность его хотя и сохранилась, однако извратилась. В определенный момент...

Вулф прервал меня:

– Секундочку. Вернись-ка назад на несколько предложений. Начиная с «Это было нелегко для дола»... Там действительно стоит «дол»?

Я нашел место.

– Именно так. «Дол». Не понимаю.

– Стенограф тоже не понял. Продолжай.

– ...В определенный момент, где-то лет пять назад, я пришел к вполне определенному выводу: он психопат.

В у л ф. И после этого вы продолжали с ним общаться?

Х и б б а р д. О да. Многие из нас продолжали. Кто-то виделся с ним часто, а один-двое даже близко с ним общались. Примерно в это же время его скрытая гениальность, судя по всему, и созрела окончательно. Он... хм... он делал вещи, вызывавшие восхищение и интерес. Как бы ни был я убежден, что он психопат, я все же беспокоился о нем меньше, нежели долгое время до этого, ибо он, как мне казалось, по-настоящему добился достаточного – по крайней мере, компенсирующего – успеха. Пробуждение пришло внезапно. Произошло воссоединение – собрание – нашей группы, и один из нас погиб... умер... Несомненно, как мы единодушно решили, в результате несчастного случая. Но он – я имею в виду человека, которого мы покалечили, – присутствовал там, и через несколько дней каждый из нас получил по почте сообщение, в котором говорилось, что он убил одного из нас, за ним последуют и остальные. Что он взошел на корабль мести.

В у л ф. Вот как. Определение «психопат» наверняка стало представляться едва ли не эвфемизмом.

Х и б б а р д. Именно. Но мы не могли ничего поделать.

В у л ф. Поскольку у вас было доказательство, то обратиться в полицию было бы не так уж и рискованно.

Х и б б а р д. У нас не было доказательства.

В у л ф. А сообщение?

Х и б б а р д. Оно было отпечатано на машинке, без подписи и выражено в таких двусмысленных фразах, что совершенно не годилось для использования в качестве доказательства. Он даже изменил свой стиль, и весьма искусно. Но у нас это письмо сомнений не вызвало. Его получил каждый – не только присутствовавшие на собрании, но и все члены лиги. Конечно же...

В у л ф. Лиги?

Х и б б а р д. Я оговорился. Это пустяк. Много лет назад, когда некоторые из нас обсуждали происшествие, кто-то, расчувствовавшись естественно, предложил нам назваться Лигой искупления. Ну, выражение в некоторой степени и привязалось.

Последнее время его только и использовали что в шутку. Теперь, полагаю, шутки закончились. Так вот, я хотел сказать, что, конечно же, не все из нас живут в Нью-Йорке, примерно половина. Один получил точно такую же угрозу в Сан-Франциско. Некоторые из нас, живущих в Нью-Йорке, собрались и обсудили положение. Мы провели нечто вроде расследования, увиделись... с ним и поговорили. Он отрицал, что разослал угрозы. Нам показалось, что он забавляется в своей темной душе, хотя внешне оставался спокойным.

В у л ф. «Темная душа» – довольно необычное выражение для психолога.

Х и б б а р д. По выходным я выступаю на поэтических собраниях.

В у л ф. Тогда понятно. И?..

Х и б б а р д. Какое-то время ничего не происходило. Три месяца. Потом погиб еще один член нашей лиги. Его нашли мертвым. Полиция сочла его смерть самоубийством, и как будто все указывало на это. Однако через два дня мы все получили второе предостережение; то же самое содержание и, несомненно, тот же самый источник. Оно было составлено весьма талантливо, просто гениально.

В у л ф. На этот раз, естественно, вы обратились в полицию.

Х и б б а р д. Почему «естественно»? У нас по-прежнему не было доказательств.

В у л ф. Это вы не обратились. Один или даже несколько из вас все-таки поступили так.

Х и б б а р д. Да. Я был против, но они все равно обратились...

В у л ф. Почему вы были против?

Х и б б а р д. Мне представлялось это бессмысленным. Кроме того... хм... я не смог заставить себя присоединиться к требованиям расплаты – возможно, даже жизнью – от человека, которого мы покалечили... Вы понимаете...

В у л ф. До некоторой степени. Во-первых, для полиции не было доказательств. Во-вторых, она могла бы их найти.

Х и б б а р д. Что ж, я вовсе не сочиняю эссе по логике. Человек способен не допустить бессмыслицу в хранилище своего разума, но отнюдь не в сфере собственных побуждений.

В у л ф. Хорошо сказано. И что полиция?

Х и б б а р д. Они ничего не добились. Он выставил их полными ослиами. Он пересказал мне их вопросы и свои ответы...

В у л ф. Вы продолжали с ним встречаться?

Х и б б а р д. Конечно. Мы были друзьями. О да. Полиция занялась расследованием, допросила его, всех нас, изучила все, что только могла, и осталась ни с чем. Некоторые из них – из группы, я хочу сказать, – наняли частных детективов. Это было две недели назад, точнее, двенадцать дней назад. Детективы добьются того же, что и полиция. Я уверен в этом.

В у л ф. Безусловно. Что за агентство?

Х и б б а р д. Это не имеет отношения к делу. Важно то, что кое-что произошло. Я мог бы распространяться о мрачных предчувствиях, предупреждениях и так далее, мне известно множество слов подобного характера, и я даже мог бы описать ситуацию в психологических терминах, но дело просто-напросто в том, что я слишком напуган, чтобы продолжать распространяться. Я хочу, чтобы вы избавили меня от смерти. Я хочу нанять вас для защиты своей жизни.

В у л ф. Да. Что же произошло?

Х и б б а р д. Ничего. Ничего существенного для всех, кроме меня. Он навестил меня и кое-что сказал. Вот и все. Повторять это не имеет смысла. Мое постыдное признание заключается в том, что на протяжении вот уже долгого времени я до смерти напуган. Я боюсь ложиться спать и боюсь вставать. Боюсь есть. Мне нужны все меры безопасности, какие только вы можете предоставить за плату. Я привычен к упорядочиванию слов, и необходимость разумной беседы с вами воссоздала видимость порядка и учтивости в некоем отделе моего мозга, однако вокруг и ниже этого порядка царит сущая паника. После всех моих исследований – научных и

псевдонаучных – сего исключительного феномена, человеческой души, одержимой бесами или воспаряющей к небесам, я низведен до единственного простого и примитивного беспокойства: я ужасно боюсь быть убитым. Друг, который посоветовал мне прийти сюда, сказал, что вы обладаете поразительным сочетанием талантов и что у вас только одна слабость. Она не назвала ее алчностью, я не помню, как она выразилась. Я отнюдь не миллионер, но, помимо оклада, я обладаю и достаточным личным состоянием, а потому торговаться не намерен.

В у л ф. Деньги мне всегда нужны. И это дело, конечно же, по мне. Я обязуюсь высадить этого джентльмена с корабля мести, прежде чем он причинит вам какой-либо вред, за сумму в десять тысяч долларов.

Х и б б а р д. Высадить его? Это невозможно. Вы его не знаете.

В у л ф. Равно как и он не знает меня. Можно устроить встречу.

Х и б б а р д. Я вовсе не имел в виду... Ха-ха! Потребуется больше чем встреча. Потребуется больше, как мне представляется, чем все ваши таланты. Но это к делу не относится. Увы, мне не удалось ясно изложить свою позицию. Я не собираюсь платить десять тысяч долларов или любую другую сумму, чтобы вы передали этого человека... правосудию. Ха! Назовем это правосудием. Слово, отдающее вонью гниения. Так или иначе, в этом участвовать я не намерен, даже перед лицом собственной смерти. Я не назвал вам его имени. И не назову. Я и без того, пожалуй, рассказал слишком много. Ваши услуги мне нужны для обеспечения моей собственной безопасности, а не в качестве средства его уничтожения.

В у л ф. А если одно потребует другое?

Х и б б а р д. Надеюсь, нет. Молю, чтобы не потребовало... Могу я помолиться? Нет. Я разучился молиться. Естественно, я не ожидаю, что вы гарантируете мне полную безопасность. Однако ваш опыт и умение... Уверен, они стоят того, сколько бы вы ни запросили...

В у л ф. Вздор! Мое умение ничего не будет стоить, мистер Хиббард. Я правильно вас понимаю: вы хотите нанять меня

защищать вашу жизнь от враждебных замыслов этого человека, не предпринимая никаких шагов по его разоблачению и заключению?

Х и б б а р д. Да, сэр. Именно так. И еще мне сказали, что стоит вам применить ваши таланты в деле – и любая попытка перехитрить вас окажется тщетной.

В у л ф. У меня нет талантов. Я либо гений, либо ничто. В данном случае ничего. Нет, мистер Хиббард. Хотя мне действительно нужны деньги. В чем нуждаетесь вы, если так упорствуете в своем донкихотстве, так это, во-первых, в приличной страховке жизни, если у вас имеются иждивенцы, и, во-вторых, в смиренном признании факта, что ваша смерть – всего лишь вопрос времени. Это, конечно же, верно в отношении всех нас, все мы разделяем с вами эту болезнь, вот только ваша, судя по всему, уже достигла острой стадии. Я бы посоветовал вам не тратить времени и денег на меры предосторожности, раз уж он решил убить вас. Если он обладает заурядным интеллектом, не говоря о той гениальности, что вы ему приписываете, вы умрете. Существует столько способов убийства ближних! Гораздо больше, нежели для большинства наших обычных занятий вроде подрезки деревьев, молотьбы пшеницы, заправки постели или плавания. За свою карьеру я часто поражался той легкости и беззаботности, с которыми совершается обычное убийство. Сами посудите: чтобы прихлопнуть муху, зачастую требуется минут восемь-десять, в то время как обычное убийство, насколько я могу судить, занимает десять-пятнадцать секунд от силы. При использовании медленного яда и прочих подобных средств смерть, конечно же, затягивается, но сам акт убийства в большинстве случаев весьма недолог. И еще вот над чем поразмыслите: существует всего лишь два-три способа убийства свиньи, а вот человека лишить жизни можно сотнями методов. Даже если ваш друг хотя бы наполовину гениален, каковым вы его считаете, и, в отличие от обычного преступника, не ходит по проторенной дорожке, то от него можно ожидать самых неожиданных действий, причем раньше, чем ваша лига сократится

наполовину. Может, он даже изобретет что-нибудь новенькое. И еще одно: мне все-таки представляется, что у вас есть хороший шанс. В конце концов, он может до вас отправить на тот свет еще нескольких. И вполне вероятно, что где-то в этой череде он совершит ошибку или ему просто не повезет. Или какой-нибудь другой член вашей лиги, менее обремененный донкихотством, чем вы, воспользуется моими услугами. Это могло бы вас спасти.

Я оторвался от страницы и взглянул на Вулфа:

– Великолепно, сэр. Просто замечательно. Я даже удивлен, что это его не проняло, наверняка тот еще упрямец был. А может, вам следовало зайти дальше. По сути, вы упомянули только яд, а могли бы обратиться к удушению, кровопусканию, проломленному черепу, конвульсиям...

– Продолжай.

Х и б б а р д. Я буду платить вам пятьсот долларов в неделю.

В у л ф. Нет, простите. Вплоть до данного момента моя казуистика вполне довольствовалась убеждением, что деньги, которые я кладу в банк, заработаны. И я не осмелюсь отягощать ее подобным.

Х и б б а р д. Но... Вы ведь не отказываетесь? Вы не можете отказываться от такого. Боже мой! Вы моя единственная надежда. Я не осознавал этого, но так оно и есть.

В у л ф. И все же я отказываюсь. Я могу взяться за обезвреживание этого человека, чтобы снять угрозу...

Х и б б а р д. Нет! Нет!

В у л ф. Очень хорошо. Небольшой совет: если будете страховать жизнь на крупную сумму, причем на совершенно законных основаниях, по возможности постарайтесь, чтобы этому событию нельзя было придать правдоподобный вид самоубийства. А поскольку вы не узнаете о событии задолго, вам придется постоянно быть начеку. Это всего лишь практичный совет, чтобы страховку не смогли аннулировать и ее получатели не оказались ни с чем.

Х и б б а р д. Но... мистер Вулф... послушайте... вы не можете так поступить. Я пришел к вам. Говорю вам, это несправедливо...

Вулф прервал меня:

– Достаточно, Арчи.

Я поднял на него взгляд:

– Осталось совсем немного.

– Знаю. Мне тягостно выслушивать это. Коль скоро я отказался от пятисот долларов, а возможно, и тысячи. Я отстоял свою позицию, и твоё чтение вызывает у меня излишнее расстройство. Не заканчивай. Дальше ничего нет, кроме сбивчивых протестов мистера Хиббарда и моей восхитительной непреклонности.

– Да, сэръ. Я читал. – Я бросил взгляд на оставшиеся строчки. – Но я удивлен, что вы позволили ему уйти. Как-никак...

Вулф потянулся к столу, нажал кнопку вызова Фрица, немного поерзал в кресле и снова откинулся:

– Сказать по правде, Арчи, я забавлялся идеей.

– Ага, я так и знал.

– Но из этого ничего не вышло. Как тебе известно, чтобы моя кобылка скакала, её нужно пришпоривать, но вот бока её так и остались непо потревоженными. Тебя тогда не было, а после твоего возвращения данный случай не обсуждался. Довольно странно, что ты невольно и по чистой случайности послужил причиной, что мы все-таки вернулись к нему.

– Не понимаю.

Вошел Фриц с пивом. Вулф достал из ящика открывалку, наполнил бокал, залпом его опорожнил и снова откинулся на спинку кресла, потом продолжил:

– Ты донимал меня тем человеком на свидетельской трибуне. Я смирился с твоей вспышкой гнева, потому что было почти четыре часа. Как ты знаешь, пришла книга. Я прочел её прошлой ночью.

– Зачем же вы её прочли?

– Не изводи меня. Я прочел её, потому что это книга. Я как раз закончил «Возвращение туземца» Луиса Адамича и «Принципы человеческой природы» Альфреда Росситера^[2], и я вообще читаю книги.

– Ну да. И?..

– Это тебя позабавит. Пол Чапин, человек на свидетельской трибуне, автор «К черту неудачников!», и есть злодей из истории Эндрю Хиббарда. Психопатический мститель за старую тяжелую травму.

– Черта с два! – Я посмотрел на него с подозрением, так как знал, что порой он любит приврать. – Почему же он?

Веки Вулфа чуть приподнялись.

– Мне что, объяснить тебе устройство Вселенной?

– Нет, сэр. Дубль два. Как вы поняли, что это он?

– Без всяких полетов. Прозаичными мыслительными процессами. Тебе они нужны?

– Был бы весьма признателен.

– А как же. Достаточно лишь нескольких деталей. Мистер Хиббард употребил необычную фразу – «взойти на корабль мести», и она дважды встречается в книге «К черту неудачников!». Мистер Хиббард вовсе не сказал, как записал стенограф, «это было нелегко для дола...», что, конечно же, бессмысленно, он сказал: «Это было нелегко для Пола» – и спохватился, что произнес имя, которое не собирался раскрывать. Так же он сообщил кое-какие факты, указывающие, что этот человек – писатель: например, когда говорил об изменении его стиля в угрозах. Далее, мистер Хиббард упомянул, что пять лет назад этот человек добился компенсирующего успеха. Этим утром я созвонился с несколькими людьми. В тысяча девятьсот двадцать девятом году была издана первая успешная книга Пола Чапина, а в тысяча девятьсот тридцатом – вторая. Кроме того, Чапин – калека вследствие травмы, полученной им двадцать пять лет назад в Гарварде. Если этого мало...

– Нет. Премного благодарен. Я понял. Все правильно. Теперь, когда вы знаете, кто этот парень, все гладко. Не так ли? Кому вышлете счет?

Две складки на щеках Вулфа немного растянулись, так что я понял: он, по его мнению, улыбается. Я продолжил:

– Но вы все равно можете быть довольны, потому что знаете, что на ланч у нас кукурузные лепешки с анчоусным соусом и до него осталось лишь десять минут.

– Нет, Арчи. – Складки медленно сжались. – Я упомянул, что забавлялся идеей. Она может оказаться плодотворной, а может и не оказаться. Как обычно, ты предоставил тот самый укол шпорой. К счастью, наша ставка будет незначительной. Есть несколько возможных подходов, но, полагаю... Да. Дозвонись до мистера Эндрю Хиббарда. В университете или дома.

– Хорошо, сэр. Говорить будете вы?

– Да. А ты слушай и записывай, как обычно.

Я нашел номер в телефонной книге и набрал его. Сначала в университет. Однако застать Хиббарда не удалось. Меня перекинули на два-три внутренних номера, и я пообщался с четырьмя или пятью его коллегами, в результате чего лишь выяснилось, что поблизости его нет и никто не знает, где его можно найти. Я попытался позвонить ему домой, в академический городок в том же районе. Какая-то безмозглая женщина почти взбесила меня, настаивая, чтобы я сказал ей, кто я такой и что мне нужно. На мои вопросы она отвечала крайне невразумительно и наконец выдала, что мистера Хиббарда, скорее всего, нет дома. Вулф слушал окончание разговора по своему телефону.

Я повернулся к нему:

– Я могу попробовать еще раз, и, может, мне повезет больше.

Он покачал головой:

– После ланча. Уже две минуты второго.

Я встал и потянулся, размышляя, что сам-то мог бы обрушить шквал уничтожающей критики на кукурузные лепешки, в особенности с соусом Фрица. Именно в этот момент идея Вулфа и решила снизойти на него, не дожидаясь, пока он сам до нее дойдет. Естественно, имело место совпадение, хотя это уже не важно. Должно быть, она пыталась дозвониться до нас, пока я разговаривал.

Зазвонил телефон. Я вновь сел и снял трубку. Послышался голос женщины, желавшей поговорить с Ниро Вулфом. Я поинтересовался ее именем и, когда она произнесла «Эвелин Хиббард», попросил ее не вешать трубку, закрыл ладонью микрофон и ухмыльнулся Вулфу:

– Это какая-то Хиббард. – (Он поднял брови.) – По имени Эвелин. Голос молодой, возможно дочь. Возьмите трубку.

Он снял свою трубку, а я приготовился слушать, достав блокнот и карандаш. Когда Вулф поинтересовался, чего она хочет, я уже в который раз отметил, что из всех встречавшихся мне людей он единственный, кто говорит с одной и той же интонацией как с женщинами, так и с мужчинами. У него было множество голосовых вариаций, но ни одна из них не определялась полом. Я поспешно переводил услышанное в каракули в блокноте, большей частью понятные лишь мне.

– Я узнала о вас от подруги, мисс Сары Барстоу. Вы должны ее помнить, мистер Вулф, вы... Вы расследовали смерть ее отца. Я могу с вами увидеться прямо сейчас? Если возможно. Я звоню из магазина «Бидуэлл», на Пятьдесят второй улице. Я могла бы приехать к вам через пятнадцать минут.

– Простите, мисс Хиббард, но я занят. Не могли бы вы зайти в четверть третьего?

– О-о! – Последовал вздох. – Я надеялась... Я решила всего лишь десять минут назад. Мистер Вулф, это очень срочно. Если бы вы могли...

– Если вы расскажете, в чем заключается срочность.

– Боюсь, нет, это не телефонный разговор... Хотя это глупо. Мой дядя, Эндрю Хиббард, он приходил к вам две недели назад. Может, вы помните? Он исчез.

– Вот как. Когда?

– Во вторник вечером. Четыре дня назад.

– И вы не получали от него никаких вестей?

– Никаких. – Голос мисс Хиббард упал. – Совсем никаких.

– Понятно. – Взгляд Вулфа скользнул на часы – было четыре минуты второго – и затем к двери, на пороге которой уже стоял Фриц, готовый объявить ланч. – Поскольку прошло уже девяносто часов, можно рискнуть и еще одним. Так как насчет четверти третьего? Так будет удобно?

– Раз уж вы не можете... Хорошо. Я приду.

Две трубки одновременно легли на рычаги. Фриц, как обычно, провозгласил:

– Ланч, сэр.

Глава 3

С женщинами отношения у меня своеобразные. Я встречал десятки таких, на которых был бы не прочь жениться, однако меня никогда не затягивало настолько, чтобы я потерял голову. А хотела бы хоть одна из них выйти за меня замуж, мне неизвестно, поскольку я мало рассказывал о себе и не давал ей шанса принять какое-либо разумное, с ее точки зрения, решение. Каждый раз, знакомясь с новой женщиной, я, конечно, увлекаюсь ею, но вот влюбиться до безумия мне, кажется, не доводилось. Взять, к примеру, женщин, с которыми я встречаюсь в связи с расследованием Ниро Вулфа. Если, конечно же, она не побита молнией, то в меня сразу же вселяется какой-то бес, в жилах начинает играть кровь, мир окрашивается в розовые тона. Я очарован. Но потом начинается расследование, и все остальное отодвигается на второй план. Очевидно, проблема заключается в моей чрезмерной добросовестности. Обожаю выполнять работу хорошо, просто из кожи лезу вон, чтобы как следует выполнить полученное от Вульфа задание, роман замирает, так и не развернувшись.

Эвелин Хиббард оказалась бойкой миниатюрной брюнеткой с привлекательным личиком. Носик у нее был острее, чем хотелось бы, и, пожалуй, она слишком часто хлопала ресницами, однако знающий толк в товаре ни в коем случае не выставил бы ее в отделе уцененных. На ней был костюм из гладкого серого твида с меховым воротником и маленькая красная шляпка. Эвелин Хиббард села прямо, не скрестив ноги, и ее лодыжки и открытые наполовину голени выглядели весьма хорошенькими, хотя и не обещали округлостей.

Конечно же, я сидел за своим столом с блокнотом и первые пару минут в промежутках между записями лишь бросал на нее взгляды. Если ее и терзала тревога за дядю – а я полагаю, терзала, – она следовала тому, что Вулф называл англосаксонской теорией

обращения с эмоциями и десертом: заморозь их и спрячь у себя в животе. Мисс Хиббард сидела в кресле, устремив свои красивые темные глаза на Вулфа, но время от времени бросала взгляд и в моем направлении. Она принесла с собой какой-то пакет в оберточной бумаге и положила его себе на колени. Вулф откинулся в кресле, опустил подбородок и положил руки на подлокотники – в его обычае было не предпринимать усилий сцеплять пальцы на животе, пока не минует полный час после еды.

Она рассказала, что вместе со своей младшей сестрой проживает с дядей в квартире на Сто тринадцатой улице. Их мать умерла, когда они были еще маленькими. Отец снова женился и переехал в Калифорнию. Дядя холост. Он, дядя Эндрю, вышел из дому во вторник вечером, около девяти часов, и до сих пор не вернулся. Никаких известий от него не поступало. Он ушел один, мимоходом заметив Руфи, ее младшей сестре, что хочет прогуляться.

– Это было необычно? – поинтересовался Вулф.

– Необычно?

– Он никогда не поступал так раньше? У вас есть какие-нибудь предположения, где он может быть?

– Нет. Но у меня есть предположение... Я думаю... его убили.

– Вероятно. – Вулф приоткрыл глаза. – Вполне естественно, что это пришло вам в голову. По телефону вы упомянули его визит ко мне. Вам известна цель визита?

– Мне все известно. Я услышала о вас от своей подруги Сары Барстоу. И уговорила дядю пойти к вам. Я знаю, что он рассказал вам и что вы ответили ему. Я обозвала дядю сентиментальным романтиком. Он таким и был... – Она осеклась и на мгновение поджала губы, чтобы унять их дрожь, а я оторвался от записей и наблюдал за ней. – Я – нет. Хладнокровия мне не занимать. И я думаю, что моего дядю убили и сделал это Пол Чапин, писатель. Я пришла к вам заявить об этом.

Итак, идея, которой забавлялся Вулф, явилась прямо в его кабинет и теперь сидела в кресле. Но не слишком ли поздно? Пять сотен в

неделю вышли прогуляться.

– Весьма вероятно, – отозвался Вулф. – Спасибо, что пришли. Но можно было – и более правильно – обратиться в полицию или к окружному прокурору.

– Вы в точности такой, как Сара Барстоу вас и описывала, – кивнула она. – Полиция привлечена еще со среды. До настоящего времени они по просьбе ректора не поднимали шума. Дело не предавали огласке. Но полиция... С тем же успехом меня можно выставить играть против Капабланки. Мистер Вулф... – Ее сцепленные пальцы, покоившиеся на пакете, едва не заплелись в узел, а голос зазвенел от напряжения. – Вы не знаете. Пол Чапин обладает хитростью и коварством всех тварей, которых он упомянул в своем первом предупреждении, разосланном после убийства судьи Харрисона. Он по-настоящему зол... Зол и опасен... Знаете, он вовсе не человек...

– Полно, мисс Хиббард. Ну полно. – Вулф вздохнул. – Естественно, он человек по существу. Он и вправду убил судью? В таком случае его самонадеянность, конечно же, вполне уместна. Однако вы упомянули его первое предупреждение. У вас, случайно, нет его копии?

– Есть. – Она показала на пакет. – У меня есть все предупреждения, включая... – Она сглотнула. – И последнее. Мне передал его доктор Бертон.

– Которое пришло после якобы самоубийства.

– Нет. Еще одно... Они получили его этим утром. Полагаю, все получили. Когда доктор Бертон рассказал мне, я позвонила двоим-троим другим. Понимаете, мой дядя исчез... Понимаете...

– Понимаю. Конечно. Опасно. Для мистера Чапина, я хочу сказать. В предприятии, что он затеял, опасен любой след. Значит, у вас все предупреждения. С собой? В этом пакете?

– Да. Еще пачки писем, написанных Полом Чапином в разное время дяде, нечто вроде дневника, который вел дядя, книга учета всех сумм, которые с тысяча девятьсот девятнадцатого года по

тысяча девятьсот двадцать восьмой выплачивали Полу Чапину дядя и остальные, а также список имен и адресов членов... то есть тех, кто присутствовал в тысяча девятьсот девятом году, когда это произошло. Ну и еще кое-что.

– Абсурд. У вас все это с собой? Почему не в полиции?

Эвелин Хиббард покачала головой:

– Я решила не отдавать им. Все это хранилось в личной папке дяди среди остального. Эти вещи были дороги ему, а теперь они дороги мне... Хотя и по-другому. Полиции они не помогут, а вот вам – возможно. И вы не злоупотребите ими. Ведь правда?

В возникшей паузе я поднял глаза и увидел, как Вулф чуть выпятил губы... Потом втянул, потом опять выпятил... Это неизменно приводило меня в восторг. Всегда, даже когда я понятия не имел, чем вызвана подобная мимика. Какое-то время я наблюдал за ним. Наконец он произнес:

– Мисс Хиббард, вы хотите сказать, что утаили эту папку от полиции, сохранили ее и теперь принесли мне? С именами и адресами членов Лиги искупления? Замечательно.

Она уставилась на него:

– Почему же нет? Они с легкостью могут раздобыть эту информацию у кого угодно – у мистера Фаррелла, доктора Бертона или мистера Драммонда... У любого из них.

– Все равно замечательно. – Вулф потянулся к столу и нажал кнопку. – Не желаете ли пива? Сам я пью пиво, но не стану навязывать вам свои предпочтения. Могу предложить отличный портвейн, солерное вино, дублинский портер, мадеру и в особенности венгерское *vin du pays*^[3], которое поступает ко мне прямо из винных погребов. Что только пожелаете...

Она покачала головой:

– Благодарю.

– Но вы не возражаете против моего пива?

– Нет, конечно, пожалуйста.

На этот раз Вулф не откинулся на спинку кресла.

– Можно вскрыть пакет? – спросил он. – Меня особенно интересует первое предупреждение.

Мисс Хиббард принялась развязывать бечевку. Я поднялся, чтобы помочь. Она протянула мне пакет, и я положил его на стол Вулфа и снял оберточную бумагу. Это оказался толстый картонный скоросшиватель – старый, выцветший, но в неповрежденном состоянии. Вулф медленно и аккуратно раскрыл его, поскольку всегда с почтением относился ко всем неодушевленным предметам.

Эвелин Хиббард подсказала:

– Под буквой «З». Дядя не называл их предупреждениями. Он называл их знаками.

– Знаками судьбы, полагаю, – кивнул Вулф и извлек бумаги из папки. – Ваш дядя и вправду романтик. О да, я не сказал «был». Разумно отвергать все предположения, даже мучительные, пока догадка не встанет на ноги факта. Вот оно. Ах! «Ты должен был убить меня, узрев последний жалкий вздох...» В злобе мистер Чаплин становится поэтом? Могу я прочесть это?

Она кивнула. Вулф принялся читать:

Ты должен был убить меня,
Увидеть мой последний вздох,
Когда тайком он покидает тело через ноздри,
Как беглый раб свои оковы.
Ты должен был убить меня.
Убил ты человека,
А должен был убить меня!

Убил ты человека, вовсе не
Змею, лисицу, мышь, грызущую себе нору,
Настойчивую кошку, ястреба, с оскалом обезьяну,
Не волка, крокодила, червяка, что пробивает путь

Наверх сквозь грязь и вниз опять в тайник.
Ах! Их оставил ты во мне,
Убив лишь человека.
Ты должен был убить меня!

Я прежде говорил: пускай свершит все время.
Известно всем – оно свое возьмет.
Сказал змее и обезьяне, кошке и червю:
Доверьтесь времени, ведь навыки все ваши
Не столь надежны и верны. Теперь сказали вдруг они:
Неспешно время слишком. Нам позволь, Хозяин.
Хозяин, уповай на нас!

Я им ответил: нет.
Хозяин, нам позволь. Хозяин, уповай на нас!
Я чувствовал в себе их. Видел ночь, и океан,
И скалы, и звезды безучастные, и подготовленный обрыв.
Тебя наслушался и слушал их:
Хозяин, нам позволь. Хозяин, уповай на нас!
Увидел тут я одного из вас, стоящего у края смерти.
И громко закричал: один!
И в скором времени опять
Скажу и два, и три, четыре...
Когда придет ваш час, не стану ждать.
Ты должен был убить меня!

Вулф сидел с листком в руке, переводя взгляд с него на мисс Хиббард:

– Из этого можно заключить, что мистер Чапин столкнул судью с обрыва. Предположительно, экспромтом. И я также предполагаю,

совершенно незамеченным, поскольку никаких подозрений не возникло. Там был обрыв поблизости?

– Да. Это произошло в Массачусетсе, под Марблхедом. В прошлом июне. Компания собралась в усадьбе Филлмора Коллара. Судья Харрисон приехал на восток из Индианы, на вручение диплома сыну. Ночью он пропал, а утром его тело нашли у подножия обрыва бьющимся в прибое о скалы.

– Мистер Чапин присутствовал среди собравшихся?

– Он был там, – кивнула она.

– Только не говорите, что встреча проводилась в искупительных целях. Это ведь не было собранием той невообразимой лиги?

– Ах нет! Вообще, мистер Вулф, никто на полном серьезе не называл это лигой. Даже дядя Эндрю не был... – Она на секунду умолкла, поджала губы, вздернула подбородок и продолжила: – Романтиком до такой степени. Компания была просто компанией, в основном из группы выпуска тысяча девятьсот двенадцатого года. Филлмор Коллар завершил образование в Кембридже. Из... ладно, лиги... там было семь или восемь человек.

Вулф кивнул, какое-то время разглядывал ее, затем вновь взялся за скоросшиватель и принялся разбирать бумаги. Он просмотрел их, затем заглянул в учетную книгу и перебрал множество страниц. Наконец снова обратил свое внимание на мисс Хиббард:

– И подобное квазипоэтическое предупреждение пришло каждому из них по возвращении домой, повергнув их в изумление?

– Да, через несколько дней.

– Понятно. Вам, конечно же, известно, что безделица мистера Чапина вид имеет вполне традиционный. Большинство самых эффектных предупреждений в истории, в особенности в античной, изложено в стихах. Что касается качества исполнения мистера Чапина, оно, пускай и приверженное традиции, представляется мне многословным, напыщенным и определенно обрывочным. Я отнюдь не специалист по стихосложению, но какой-никакой слух у меня имеется.

Болтать во время дела было не в обыкновении Вулфа, и я оторвался от записи и взглянул на него, гадая, к чему он клонит. Мисс Хиббард же просто смотрела на него. Однако мне пришлось вернуться к своему занятию, поскольку он продолжил:

– Более того, я определенно подозреваю его, во второй строфе – уверен, сам он назвал бы это строфой, – в плагиате. Спенсера^[4] я не читал вот уже много лет, однако на задворках моей памяти запечатлен некий перечень животных... Арчи, будь любезен, принеси Спенсера. Третья полка, справа от двери. Нет, еще дальше... еще... темно-синяя, с тиснением. Да, это она.

Я вытащил книгу и вручил ему. Он открыл ее и принялся перелистывать.

– «Пастушеский календарь», я уверен, и, кажется, в эклоге «Сентябрь». Не то чтобы это имеет какое-то значение. Даже если я отыщу это место, мелочное ликование едва ли будет стоить затраченных минут. Вы ведь простите меня, мисс Хиббард? «Быки, гнев коих охватил... Петух в навозной куче... В овечьей шкуре волк поймает жертву...» Увы, это явно не то. Множество зверей, но отнюдь не тот перечень, что я помню. Воздержусь от ликования. Во всяком случае, было приятно вновь повидаться со Спенсером, даже столь мимолетно. – Он потянулся из кресла, рискованно для своего телосложения, и вручил книгу мисс Хиббард. – Прекрасный образец книгоиздательства, достойный вашего дружеского взгляда. Отпечатан, естественно, в Лондоне, но переплетен здесь, шведским мальчиком, который, вероятно, грядущей зимой умрет с голоду.

Она проявила достаточно такта, чтобы осмотреть книгу, раскрыть ее, пробежаться по страницам и вновь уставиться на корешок. Вулф вернулся к бумагам, извлеченным из папки. Книга явно надоела мисс Хиббард, и потому я поднялся, взял ее и поставил назад на полку.

– Мисс Хиббард, – начал Вулф, – я понимаю, вы желаете действий, и, несомненно, я вас порядком утомил. Прошу меня простить. Можно задать вам несколько вопросов?

– Безусловно. Мне кажется...

– Конечно. Прошу прощения. Думаю, всего лишь два вопроса. Первый: не знаете ли вы, страховал ли недавно ваш дядя свою жизнь?

Она нетерпеливо покачала головой:

– Но, мистер Вулф, какое отношение это имеет к...

Он прервал ее, закончив:

– К тотальному злу Пола Чапина. Я понимаю. Возможно, никакого. Размер страховки был большим?

– Думаю, да. Очень большим.

– И получателем назначены вы?

– Не знаю. Полагаю, я. Он рассказал мне, что вы говорили о страховке. А где-то неделю назад сообщил, что наскоро проделал необходимые процедуры и страховку распределили между четырьмя компаниями. Я не обратила на это внимания, потому что мои мысли были заняты другим. Я злилась на него и пыталась уговорить его... Полагаю, получателями были назначены я и моя сестра Руфь.

– Не Пол Чапин?

Она уставилась на него, открыла было рот и тут же закрыла, наконец ответила:

– Это не приходило мне в голову. Может, и он. Не знаю.

– Да, сентиментальный романтик способен на подобное, – кивнул Вулф. – Теперь второй вопрос. Зачем вы пришли ко мне? Чего вы от меня хотите?

Мисс Хиббард посмотрела ему прямо в глаза:

– Я хочу, чтобы вы нашли доказательства вины Пола Чапина, хочу увидеть, что он понес наказание. Я могу заплатить за это. Вы назвали моему дяде сумму в десять тысяч долларов. Я способна заплатить ее.

– Вы испытываете личную враждебность к мистери Чапину?

– Личную? – Она нахмурилась. – Разве враждебность может быть какой-то другой, кроме как личной? Не знаю. Я ненавижу Пола Чапина и ненавидела его многие годы, потому что любила дядю и

сестра Руфь любила его. Он был прекрасным, чутким и благородным человеком, а Пол Чапин погубил его жизнь. Погубил его жизнь... Ах!.. Теперь...

– Полно, мисс Хиббард. Пожалуйста. Но вы не собирались нанять меня, чтобы я отыскал вашего дядю? Вы уже не надеетесь на это?

– Думаю, нет. Ах, если бы вы нашли его! Если бы нашли... Думаю, у меня не осталось надежды. Я не осмеливаюсь надеяться. Но если вдруг... Даже если вы найдете его, Пол Чапин остается.

– Именно так. – Вулф вздохнул и обратил взор на меня. – Арчи, заверни, пожалуйста, папку мисс Хиббард для нее. Если я не разложил содержимое по соответствующим отделениям, надеюсь, она простит меня. Бумага и бечевка целы? Хорошо.

Она запротестовала:

– Но вам это понадобится... Я оставлю это...

– Нет, мисс Хиббард. Прошу меня извинить. Я не могу взяться за ваше дело. – Эвелин Хиббард уставилась на него в немом изумлении, а он продолжил: – Дело в руках полиции и окружного прокурора. Мне безнадежно будут мешать. Мне остается только попрощаться с вами.

Наконец она обрела дар речи:

– Чушь! Вы шутите! – Она дернулась в кресле, буквально взорвавшись. – Мистер Вулф, это возмутительно! Я все вам рассказала... Вы задавали вопросы, и я отвечала... Причина, по которой вы отказываетесь, вовсе не причина... Почему...

Вульф остановил ее, погрозив пальцем. Голос его зазвучал совсем иначе, хотя он ни на йоту его не повысил, и меня всегда огорчало, что я не понимаю, как это у него получается.

– Пожалуйста, мисс Хиббард. Я сказал «нет» и объяснил причину. Этого достаточно. Просто возьмите пакет у мистера Гудвина. Конечно же, я был груб с вами, и в подобных случаях я неизменно сожалею, что не сведущ в искусстве грубить изящно. Я пользуюсь лишь упрощенными вариантами, в том числе и в бестактности.

Однако он встал из кресла, что являлось редчайшей уступкой, чего Эвелин Хиббард, конечно же, не знала. Она, тоже поднявшись, взяла у меня пакет. Она была вне себя от ярости. Впрочем, не успев даже повернуться к двери, осознала, что беспомощна больше, чем разъярена, и взмолилась:

– Но как вы не понимаете, мне остается... Что же мне делать?

– Могу дать вам лишь один совет. Если вы не наймете никого другого и по-прежнему будете желать воспользоваться моими услугами, а полиция ничего не добьется, приходите ко мне в следующую среду.

– Но это еще целых четыре дня...

– Покорнейше прошу прощения. До свидания, мисс Хиббард.

Я пошел открыть ей дверь, и она, конечно же, совершенно позабыла о своих ресницах.

Когда я вернулся в кабинет, Вулф вновь сидел за столом, со стигматами удовольствия, как это, по моему мнению, выразил бы Эндрю Хиббард. Подбородок его был поднят, а кончиком пальца он вырисовывал кружки на ручке кресла. Я остановился возле его стола, напротив него, и начал:

– Эта девушка сумасшедшая. Я бы сказал, навскидку, в одну пятую моего собственного сумасшествия.

– Арчи, не беспокой меня с минуту, – прошептал он.

– Нет, сэр. Ни за что. Выходка что надо, а загадочная выходка – хлеб насущный для определенной категории людей. Вот только в настоящее время мы по вашей милости барахтаемся в неизведанных глубинах... Подождите-ка минуточку, я поищу, кажется, это у Спенсера.

– Арчи, я предупреждаю тебя: однажды я перестану нуждаться в твоих услугах. – Он зашевелился. – Если бы ты был женщиной, а я, боже упаси, был бы на тебе женат, то нашей планеты оказалось бы недостаточно, чтобы разделить нас. Я сожалею, что грубо обошелся с мисс Хиббард. Но было желательно избавиться от нее как можно быстрее. Нам предстоит большое дело.

– Ладно. Если я как-то могу помочь...

– Можешь. Твой блокнот, пожалуйста. Запиши телеграмму.

Я сел, совершенно ничего не понимая, а подобное неизменно меня раздражало. Вулф продиктовал:

– «В связи с недавними событиями и третьим предупреждением Чапина Вам настоятельно предлагается посетить собрание по указанному адресу в понедельник, пятого ноября, в девять вечера». Подпиши «Ниро Вулф» и укажи адрес.

– Обязательно. – Я записал. – Просто послать кому-нибудь, кто первым придет в голову?

Вулф приподнял папку для промокашек, вытащил из-под нее листок бумаги и пихнул его в мою сторону:

– Вот имена. Отправь также и тем, кто живет в Бостоне, Филадельфии и Вашингтоне. Тех, кто живет дальше, можно будет позже известить письмом. И сделай копию списка, даже две – для надежности. Кроме того...

Я взял листок. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это такое. Я уставился на Вулфа, и, полагаю, нечто в моем выражении лица остановило его. Он переменял тему:

– Придержи свое порицание, Арчи. Потешись своими фальшивыми моральными принципами в одиночестве.

Я отозвался:

– Так вот почему вы гоняли меня за Спенсером – чтобы отвлечь ее. Зачем вы украли его?

– Я одолжил его.

– Ладно-ладно, я проверял по словарю. Именно это я и имею в виду: почему вы не одолжили список? Она бы дала вам его.

– Возможно, и нет. – Вулф вздохнул. – Я не мог рисковать. Раз уж ты сведущ в высоких этических принципах, то должен понимать, что я не мог с легкостью признать ее клиентом, а затем предложить другим, особенно группе...

– Вот теперь я понял. Идея, которой вы забавлялись, заглянула и ко мне, и будь на мне шляпа, я бы ее непременно снял. Но она дала

бы вам этот список. Или вы могли бы разузнать все...

– Достаточно, Арчи. – Голос его стал тише. – Мы в любом случае будем действовать в ее интересах. Судя по всему, делу предстоит быть трудным и дорогим, и нет никаких оснований взваливать на одну лишь мисс Хиббард все его тяготы. Через несколько минут я пойду наверх, а тебе предстоит потрудиться. Во-первых, разошли телеграммы и скопируй список. Затем... напиши письмо мисс Хиббард, поставь под ним мое имя и отправь сегодня же вечером срочной доставкой: «Я обнаружил, что прикладываемый документ сегодня днем не был убран в Вашу папку, а остался на моем столе. Надеюсь, его отсутствие не причинило Вам какого-либо неудобства. Если Вы все еще склонны навестить меня в следующую среду, буду Вас ждать».

– Да, сэр. Отправить ей список.

– Естественно. И проверь, чтобы в копиях не было ошибок. Сделай даже три. Полагаю, тебе известен домашний адрес мистера Хиггэма из «Метрополитен траст компани»?

Я кивнул:

– В Саттон-Плейсе...

– Заедешь к нему завтра и отдашь копию списка. Попроси его первым же делом утром в понедельник составить финансовый отчет по указанным в нем господам. Истории вкладов не надо, главное – их нынешнее состояние. О тех, кто в других городах, пусть запросит по телеграфу. Информация необходима нам к шести в понедельник.

– Здесь значится имя Хиббарда. Возможно, и других умерших.

– Банки весьма опытны в делах подобного рода. Они выяснят все без шума и суеты. Свяжись с Солом Пензером и скажи, чтобы он явился сюда в понедельник в половине девятого вечера. То же самое сообщи Даркину. Выясни, можно ли рассчитывать во вторник утром на Гора, Кэтера и еще двоих, на твой выбор.

Я ухмыльнулся:

– Как насчет Шестьдесят первого полка?

– Пусть остается в резерве. Как только разошлешь телеграммы, позвони мисс Хиббард домой. Обязательно дозвонись. Пусти в ход все свое обаяние. Договорись заехать к ней этим вечером. Если она согласится, скажи ей, что весьма огорчен моим отказом взяться за ее дело и что я разрешил тебе предложить ей помощь, если она того пожелает. Так мы сэкономим время. Ты бы смог выяснить у нее все факты и, возможно, сумел бы заглянуть в личные бумаги и вещи мистера Хиббарда. Нам следует убедиться, что он не предполагал в скором времени отлучиться на длительный срок. Мы, конечно же, действуем в соответствии с законом и не можем считать человека умершим только потому, что он не появляется в тех местах, где его привыкли видеть.

– Да, сэр. Действовать по собственному усмотрению?

– Как сочтешь нужным.

– Если я поеду к ней, то мог бы захватить список с собой.

– Нет, отошли его. – Вулф принялся выбирать из кресла.

Я наблюдал за ним, подобное зрелище никогда не стоило упускать. Прежде чем он направился к двери, я спросил:

– Может, мне все-таки следует знать кое-что, чего я сам так и не понял? Какой смысл было спрашивать ее о страховке?

– Ах это! Просто вероятность того, что мы столкнулись с такой изощренной мстью, с каковой доселе нам встречаться не доводилось. Ненависть Чапина, пускай и несколько ослабленная, перекинулась с дяди на племянницу. Он узнал о крупной сумме, которую она должна будет получить по страховке, и спланировал убийство Хиббарда так, чтобы его тела не обнаружили, вследствие чего денег она не получит.

– Рано или поздно все равно ведь получит.

– Но даже такая задержка доставляет, по крайней мере, хоть какое-то удовлетворение. Стоит такого коварства, коли оно имеется. Это одна возможность. И вторая: допустим, страховку должен был получить сам Чапин. Мисс Хиббард была уверена, что он убьет ее дядю, избежит ответственности и за свое усердие еще и получит

огромное состояние. Подобная мысль оказалась для нее невыносимой. Поэтому она убила дядю сама – все равно ему предстояло умереть – и избавилась от тела, чтобы его нельзя было найти. Ты мог бы выяснить это у нее вечером.

– Думаете, не смогу? – отозвался я. – Узнаю ее алиби.

Глава 4

Дел на вечер субботы и воскресенье выдалась уйма. Я повидался с Эвелин Хиббард и провел с ней целых три часа, связался с Солом, Фредом и другими парнями, изрядно повеселился за телефонными разговорами и наконец, поздно вечером в воскресенье, перехватил Хиггэма из банка, вернувшегося с выходных на Лонг-Айленде. Телефонные звонки поступили от членов лиги, получивших телеграммы, – всего пять или шесть. Одни члены лиги были напуганы, другие раздосадованы, а одного просто разбирало любопытство. Я сделал несколько копий списка и по мере поступления звонков отмечал их на одной с соответствующими комментариями. Оригинал Хиббарда сверху был датирован 16 февраля 1931 года и отпечатан на машинке. Некоторые адреса позднее были исправлены ручкой, так что список явно обновлялся. Четыре имени вообще оказались без адресов, вдобавок я, естественно, не знал, кто из них был уже мертв. Список выглядел следующим образом – без адресов, но с указанием рода занятий, каковые нам в понедельник сообщил банк:

Эндрю Хиббард, психолог
Фердинанд Боуэн, биржевой брокер
Лоринг Э. Бертон, доктор
Юджин Дрейер, галерист
Александр Драммонд, цветовод
Джордж Р. Пратт, политик
Николас Кэбот, адвокат
Огастес Фаррелл, архитектор
Уильям Р. Харрисон, судья
Филлмор Коллар, владелец ткацкой фабрики
Эдвин Роберт Байрон, редактор журнала
Л. М. Ирвинг, социальный работник

Льюис Палмер, Федеральное управление жилищного строительства
Джулиус Адлер, адвокат
Теодор Гейнс, банкир
Питни Скотт, таксист
Майкл Эйерс, журналист
Артур Коммерс, менеджер по продажам
Уоллес Маккенна, конгрессмен от штата Иллинойс
Сидней Ланг, недвижимость
Роланд Эрскин, актер
Леопольд Элкус, хирург
Ф. Л. Инголлс, бюро путешествий
Арчибальд Моллисон, профессор
Ричард М. Таттл, мужская школа
Т. Р. Донован
Филип Леонард
Аллан У. Гарднер
Ганс Вебер

У последних четверых адресов не было, и я не смог отыскать их в телефонных книгах Нью-Йорка и пригородов, поэтому не мог просить банк предоставить сведения о них. Навскидку, размышляя я, просматривая имена и принимая во внимание, что все они были выпускниками Гарварда, что предполагало старт гораздо лучший, нежели для среднего человека, – навскидку все выглядело превосходно, однако сведения из банка расставят все точки над «і». По телефону пудрить им мозги было забавно.

Но настоящая потеха началась днем в воскресенье. Кто-то растрепал об исчезновении Хиббарда, и воскресные газеты разнесли новость, хотя и не поднимая по этому поводу особого шума. Примерно в три часа раздался звонок, и я открыл дверь, потому что оказался поблизости, а Фриц возился на заднем дворе. Передо мной предстали два здоровяка, и первым моим

предположением было, что это парочка частных детективов и кто-то интересуется моим времяпрепровождением в квартире Хиббарда прошлым вечером. Затем я узнал одного из них и с ухмылкой распахнул дверь:

– Привет, привет! Припозднились из церкви?

Ответил стоявший справа – со шрамом на щеке, которого я и признал:

– Ниро Вулф у себя?

– Хотите повидаться с ним? Перепрыгивайте через порог, джентльмены.

Пока я закрывал дверь и накидывал цепочку, они сняли шляпы и пальто и повесили их на вешалку. Затем пригладили руками волосы, одернули жилеты и прочистили глотки. Они нервничали, словно новички на первой слежке. Я был поражен. Сам я настолько привык к Вулфу и его выходкам, что уже забыл, какое впечатление производят его ядовитые замечания на твердолобые профессиональные головы его коллег. Я попросил их подождать в прихожей, прошел в кабинет и сообщил Вулфу, что явился Дел Бэском, глава сыскного агентства Бэскома, с одним из своих сотрудников и хочет видеть его, Ниро Вулфа.

– Ты спросил у них, что им нужно?

– Нет.

Вулф кивнул. Я вернулся в прихожую и позвал их в кабинет. Бэском подошел к столу пожать руку. Другой джентльмен стал опускать свой большущий зад в кресло, что я выставил для него, однако, уставившись на Вулфа, едва не промахнулся. У меня шевельнулось подозрение, что при первом знакомстве с Вулфом его скорее потряс не авторитет, а тучность оного.

Бэском принялся заливаться соловьем:

– Прошло почти два года, как мы с вами виделись, мистер Вулф. Помните? Дело сенной лихорадки. Так я его называл. Помните служителя, который не видел, как парень ворует изумруды, потому что чихал?

– Еще как, мистер Бэском. Тот молодой человек додумался использовать столь распространенный недуг для столь необычной цели.

– Ага. Все они сообразительные, да вот только мозгов достает лишь немногим. Это как раз и был такой случай. Я так и кусал бы локти, кабы не вы. Никогда этого не забуду. Хорошо ли у вас идут дела, мистер Вулф?

– Нет. Мерзко.

– Неудивительно. Этого и следовало ожидать. Некоторые агентства вполне преуспевают на промышленной деятельности, но я никогда не пойду на это. Я сам когда-то был рабочим. Черт, да я им так и остался! – Бэском скрестил ноги и прочистил глотку. – Взялись недавно за что-нибудь новенькое?

– Нет.

– Не взялись?

– Нет.

Тут я едва не подпрыгнул от писка – столь неожиданно он прозвучал. Его издал другой детектив, сидевший между Бэскомом и мной. Он вдруг пропищал:

– Я слышал нечто противоположное.

– Так, кто это у нас варезку разинул? – Бэском с отвращением уставился на него. – Я же просил тебя не раскрывать рта, когда мы придем сюда. – Он повернулся к Вулфу. – Знаете, что его грызет? Вам это понравится, мистер Вулф. Он слышал множество разговоров о великом Ниро Вулфе, а потому очень хочет показать, что вам его не провести. – Он поерзал и снова уставился на товарища. – Ну ты и олух!

– Мне это нравится, – кивнул Вулф. – Мне нравится бравада. Так о чем вы говорили, мистер Бэском?

– Ну да. Почему бы и не перейти к главному. Значит, так. Я взялся за это дело. У меня на нем пять человек. Вот уже месяц, как я получаю почти тысячу долларов в неделю. Когда я завершу его, то получу такой гонорар, что смогу протянуть без пособия всю зиму. И я

вот-вот закруглюсь с ним. Все, что нынче мне нужно, – это немного оберточной бумаги да моток бечевки.

– Прекрасно!

– Куда уж лучше. И к вам я пришел с тем, чтобы попросить вас оставить это дело.

Брови Вулфа чуть приподнялись.

– Попросить меня?

– Оставить. – Бэском подался вперед и принял важный вид. – Послушайте, мистер Вулф. Речь идет о деле Чапина. Я занимаюсь им уже четыре недели. Мне платят Пратт, Кэбот и доктор Бертон. Это отнюдь не секрет, а если и был, то в понедельник вы все равно узнали бы об этом. Пратт даже вроде моего приятеля, я оказывал ему парочку услуг. Прошлым вечером он позвонил и сказал, что мне лучше пошевелиться, если я хочу, чтобы на Поле Чапине оставался мой ценник, потому что за него собирается взяться Ниро Вулф. Так я и узнал о телеграммах, которые вы разослали. Бертон прежде о вас никогда не слышал и попросил меня составить о вас отчет, но этим утром перезвонил и сказал не утруждаться. Полагаю, он поспрашивал сам и получил ворох сплетен.

– Рад их интересу, – прошептал Вулф.

– Не сомневаюсь. – Бэском для выразительности положил кулак на стол и посерьезнел еще больше. – Мистер Вулф, я хочу поговорить с вами как профессионал с профессионалом. Вам ли не знать о благородности нашей профессии.

– Не в явном виде. Заявлять о благородстве – значит утратить его.

– Вот как? Возможно. Как бы то ни было, это такая же профессия, как и юрист. Как вы знаете, у адвокатов считается неэтичным уводить клиента у другого адвоката. За это его могут дисквалифицировать. Ни один уважающий себя адвокат не пойдет на это. А не кажется ли вам, что наша профессия столь же благородна, как и профессия юриста? Вот в чем вопрос. Понимаете?

Бэском в ожидании ответа не отрывал взгляда от лица Вулфа и, вероятно, решил, что медленное разглаживание складок на щеках

того суть такое же природное явление, как и, скажем, мертвая зыбь в океане.

– Мистер Бэском, – наконец произнес Вулф, – не могли бы вы оставить ваши тонкие намеки. Если у вас есть просьба, то выскажите ее без обиняков.

– Черт, да разве я не высказал ее?! Я просил вас оставить дело.

– Вы имеете в виду, не вмешиваться в «дело Чапина», как вы его называете? К сожалению, вынужден отказать вам в вашей просьбе.

– Значит, не оставите?

– Ни в коем случае.

– И вы считаете, что это совершенно нормально – уводить у другого человека клиентов?

– Понятия не имею. Я не собираюсь оправдывать свое поведение в отношении вас. Вдруг оно окажется непростительным? Я просто говорю, что отказываю в вашей просьбе.

– Ну да. Я так и думал, что откажете. – Бэском убрал кулак со стола и немного расслабился. – Мой брат утверждал, будто вы считаете себя джентльменом и поведетесь на это. Я ответил ему, что вы, может, и джентльмен, но ни в коем случае не олух.

– Боюсь, нет.

– Да ради бога! Ладно, раз уж с благородством покончили, может, поговорим о бизнесе? Коли вы собираетесь взяться за дело Чапина, то мы его лишаемся.

– Вероятно. Но не обязательно.

– О нет, лишаемся. Вы будете выкачивать их, пока им не придется покупать вырезку подешевле. Что ж, раз уж я на пределе, вполне могу это вынести. Я все равно больше не продержался бы. Да поможет вам Бог! С удовольствием заглянул бы к вам через недельку да поинтересовался, как делишки. Говорю вам, этот калека Чапин – хитрейший и умнейший тип на свете. Я сказал, что, мол, вот-вот закруглюсь. Послушайте... Нет ни малейшего шанса. Ни малейшего. Я вправду сдался и поставил троих следить за ним, чтобы просто схватить его на следующей жертве, – и, пропади оно все пропадом,

вдруг исчезает Хиббард, а мы даже не можем найти, что от него осталось... И знаете что? Трое моих людей понятия не имеют, где Чапин находился во вторник вечером! Можете себе представить? Звучит глупо, но они отнюдь не глупы. Они чертовски хорошие ребята! Как я сказал, с удовольствием заглянул бы к вам...

– Вы собирались поговорить о бизнесе, – прервал его Вулф.

– Как раз к нему я и веду. Готов предложить вам сделку. У вас, конечно же, собственные методы, у всех нас свои, но за эти четыре недели мы накопили уйму сведений, и они влетели нам в копеечку. Естественно, они конфиденциальны, но, если ваши клиенты те же, что и мои, это не имеет значения. Вы сэкономите массу времени и расходов и избавитесь от беготни. Вы можете получить всю информацию, и я буду делиться ею с вами в любое время, так часто, как только пожелаете... – Бэском секунду помялся, облизнул губы и завершил: – За тысячу долларов.

– Но, мистер Бэском, – медленно покачал головой Вулф, – все ваши отчеты и так попадут ко мне.

– Естественно, но вы ведь знаете, что такое эти отчеты. Ну, с ними вроде бы и все в порядке, да только черта с два! А вы получите кое-какую стоящую информацию, если я позволю вам поговорить с любым из моих людей, с кем захотите. Я бы это устроил.

– Сомневаюсь в необходимости этого.

– Будьте благоразумны.

– Стараюсь, и часто. Я заплачу сто долларов за то, что вы предлагаете... Пожалуйста! Я не собираюсь торговаться. И не сочтите меня неучтивым, если я скажу, что занят и мне дорога каждая секунда. Я признателен вам за визит, но я занят. – Пальцы Вулфа указали на книги перед ним на столе, в одну из которых была вложена закладка. – Пол Чапин написал пять романов, и вчера вечером мне удалось раздобыть четыре первых. Я читаю их. Я согласен с вами, что это трудное дело. Возможно, хотя и очень маловероятно, что к полуночи я разрешу его.

Я подавил усмешку. Бравату Вулф любил будь здоров, и для его репутации она была одним из лучших приемов.

Бэском так и уставился на него. Через мгновение он оттолкнул кресло и встал, детектив подле меня с кряхтением тоже поднялся. Бэском заявил:

– Что ж, не буду вам мешать. Полагаю, я уже говорил, что у всех нас свои методы, и мне лишь остается добавить: благодарение Богу за это.

– Да. Так вы согласны на сто долларов?

Бэском, обернувшись, кивнул:

– Я возьму их. На мой взгляд, вы расшвыриваетесь деньгами на ветер, раз уж купили эти романы. Но черт побери, сотню я возьму!

Я направился в прихожую открывать дверь, и они последовали за мной.

Глава 5

Ко времени обеда в понедельник мы все уже подготовили, так что едой наслаждались не спеша. Фриц был доволен всегда, а уж зная, что дела в кабинете движутся, и вовсе из кожи вон лез. Тем вечером я подмигнул ему, заметив, сколь много в супе грибов, а отведав эстрагона в заправке, и вовсе послал ему воздушный поцелуй. Он покраснел. Вулф частенько хвалил его блюда, облакая комплименты в надлежащую форму, и Фриц неизменно краснел. В свою очередь, когда и я воздавал ему должное, он тоже краснел, но, готов поклясться, только из желания угодить мне, лишь бы не разочаровывать меня. Я часто размышлял, замечает ли это Вулф. Его внимание к еде было столь полным, что я не раздумывая мог бы сказать, что не замечает, вот только строить какие-либо догадки о Вулфе было далеко не самым лучшим.

После обеда Вулф поднялся в свою комнату, как ранее и предупредил. Он ставил спектакль. Я посоветовался с Фрицем на кухне несколько минут и затем тоже поднялся к себе и переоделся. Я надел серый костюм в мелкую клетку, сидевший на мне лучше, чем что-либо другое из моего гардероба, голубую рубашку и темно-синий галстук. По пути вниз я остановился возле комнаты Вулфа, располагавшейся на том же этаже, чтобы задать ему вопрос. Он сидел в кресле, обитом гобеленом, подле настольной лампы с одним из романов Пола Чапина. Я подождал, пока он не отметит абзац в нем карандашом, и спросил:

– Что, если кто-нибудь из них притащит с собой посторонний предмет, например адвоката? Впускать его?

Не отрывая глаз от книги, Вулф кивнул. Я направился в кабинет.

Первый явился заблаговременно. Я ожидал, что очередь начнет выстраиваться лишь около девяти, однако было еще без двадцати, когда до меня донеслись шаги Фрица в прихожей и звуки открываемой двери. Затем ручка на двери в кабинет повернулась, и

Фриц ввел первую жертву. Ему явно не помешала бы бритва, брюки на нем сидели мешковато, а волосы были взлохмачены. Его светло-голубые глаза заметались по комнате и остановились на мне.

– Черт, – объявил он, – ты ведь не Ниро Вулф!

Я признал это и представился. Руку он не протянул и затем пустился в объяснения:

– Знаю, что пришел рановато. Меня зовут Майк Эйерс, из отдела новостей «Трибьюн». Я предупредил Огги Рейда, что должен отлучиться на вечер, чтобы спасти свою шкуру. Я остановился по пути перехватить пару рюмашек, а потом мне пришло в голову, что я непроходимый дурак, потому что выпивкой вполне можно будет разжиться и здесь. И я не имею в виду пиво.

– Джин или джин? – спросил я.

Он ухмыльнулся:

– Молодец! Виски. И можешь не разбавлять.

Я подошел к столу, который мы с Фрицем поставили в нише, и налил ему. Ура Гарварду, думал я, светлым университетским денечкам и всему прочему. Еще я подумал, что он может доставить неприятности, если вдруг начнет шуметь, но, с другой стороны, если я не буду потакать его вредной привычке, он еще, чего доброго, удерет. Заучив банковские отчеты практически наизусть, я знал, что он проработал четыре года в «Пост» и три в «Трибьюн» и получает девяносто долларов в неделю. Как бы то ни было, журналисты – одно из моих слабых мест, мне никогда не удавалось избавиться от ощущения, что им известно больше, чем мне.

Я налил ему следующую порцию, и он уселся со стаканом, скрестив ноги.

– Скажи-ка, – по-свойски обратился он, – правда ли, что Ниро Вулф был евнухом в каирском гареме и начал свою карьеру, собрав отзывы девушек о зубной пасте «Пирамида»?

На какую-то долю секунды я как осел так и вспыхнул.

– Слушай, – начал я, – Ниро Вулф точно... – но потом осекся и рассмеялся. – Конечно. Вот только он был не евнухом, а верблюдом.

– Это все объясняет, – кивнул Майк Эйерс. – Я хочу сказать, объясняет, почему верблюду нелегко пройти сквозь игольное ушко^[5]. Ниро Вулфа я не видел, но много слышал о нем, и я видел иголку. Есть еще какие-нибудь сведения?

До прибытия следующего клиента мне пришлось снабдить его еще одной порцией. На этот раз явились двое: Фердинанд Боуэн, биржевой брокер, и доктор Лоринг Э. Бертон. Я вышел в прихожую встретить их, чтобы хоть ненадолго избавиться от Майка Эйерса. Бертон оказался крупным привлекательным малым, державшимся прямо, но не чопорно, хорошо одетым и явно не нуждавшимся в одолжениях. У него были темные волосы, черные глаза, уголки рта опущены от усталости. Боуэн роста был среднего, и усталость оставила свой отпечаток на всем его облике. Он нарядился в черное и белое, и если бы мне вдруг захотелось увидеть его в любой вечер – что, вообще-то, представлялось весьма маловероятным, – то просто надо было бы сходить в театр, где ожидалась премьера, да покараулить в фойе. На его маленьких ногах были изящные лакированные туфли, а на изящных и по-женски маленьких руках – изящные серые перчатки. Когда он снимал пальто, мне пришлось отступить назад, чтобы не получить в глаз, – так он размахивал руками. А я не очень лажу с парнями с таким отношением к ближним в ограниченном пространстве. В частности, я считаю, что подобных нельзя подпускать к лифтам, хотя в целом не приветствую их вообще нигде.

Я провел Бертон и Боуэна в кабинет, сообщил, что Вулф скоро спустится, и указал им на Майка Эйерса. Тот назвал Боуэна Ферди и предложил ему выпить, а Бертон назвал Лорелеем. Фриц привел еще одного: Александра Драммонда, цветовода, аккуратного невысокого типа с тонкими усиками. Он был единственным из всего списка, кто бывал в доме Вулфа прежде – приходил пару лет назад с компанией с какого-то съезда общества взглянуть на растения. Я помнил его. После этого они подтянулись более-менее одновременно: Пратт, представитель нью-йоркского штаба

Демократической партии, Адлер и Кэбот, адвокаты, Коммерс, менеджер по продажам из Филадельфии, Эдвин Роберт Байрон, редактор журнала, Огастес Фаррелл, архитектор, и парень по имени Ли Митчелл, заявивший, что представляет Коллара и банкира Гейнса – от последнего у него было письмо.

К десяти минутам десятого их количество составило двенадцать человек, если считать Коллара и Гейнса присутствующими. Они, конечно же, знали друг друга, но нельзя было сказать, что встреча доставила им всем бурную радость, даже Майку Эйерсу, с хмурым видом и пустым стаканом в руке прохаживавшемуся туда-сюда. Остальные в основном сидели с похоронным выражением лица. Я подошел к столу Вулфа и сделал кнопкой вызова Фрица три коротких звонка. Через пару минут послышался приглушенный шум лифта.

Дверь в кабинет отворилась, и все повернули голову. Появился Вулф, Фриц прикрыл за ним дверь. Вулф вразвалочку дошел до середины комнаты, остановился, развернулся и обратился к собравшимся:

– Добрый вечер, джентльмены.

Затем прошествовал к своему креслу, встал так, чтобы сиденье уперлось ему позади коленей, ухватился за подлокотники и опустился.

Тут мое внимание привлек Майк Эйерс, помахав в мою сторону стаканом и воскликнув:

– Эй! И евнух, и верблюды!

Вулф поднял голову и произнес с одной из своих лучших интонаций:

– Вы предлагаете добавить их в перечень внутреннего зверинца мистера Чапина?

– А? Ох. Я предлагаю...

Джордж Пратт прервал его:

– Заткнись, Майк!

А архитектор Фаррелл схватил его и толкнул в кресло.

Я протянул Вулфу список присутствующих, и он просмотрел его. Затем поднял взгляд и заговорил:

– Рад, что пришли мистер Кэбот и мистер Адлер. Оба, насколько мне известно, адвокаты. Их знания и опыт помогут нам избежать грубых ошибок. Отмечу также присутствие мистера Майкла Эйерса, журналиста. Он один из вас, поэтому я лишь замечу, что опасность огласки, если таковой вы желаете избежать...

Майк Эйерс раздраженно перебил его:

– Я не журналист, я охотник за сенсациями. Я брал интервью у Эйнштейна...

– Насколько вы пьяны?

– Черт, да откуда же мне знать?

Вулф поднял брови:

– Джентльмены?

Фаррелл отозвался:

– Майк надежен. Не обращайтесь на него внимания. Все в порядке.

Подключился Джулиус Адлер, адвокат, телосложением напоминавший огрызок карандаша и выглядевший бы как обычный клерк, если бы не его взгляд и манера одеваться.

– Пожалуй, я согласился бы. Мы осознаем, что это ваш дом, мистер Вулф, и что мистер Эйерс пьян, но, в конце концов, вряд ли вы пригласили нас сюда, чтобы оценивать наши личные пристрастия. Вы хотите нам что-то сказать?

– О да, мистер...

– Меня зовут Адлер.

– Да, мистер Адлер. Ваше замечание наглядно демонстрирует именно то, что, как я и догадывался, окажется главным препятствием в разговоре с вами, джентльмены. Я предполагал, что поначалу вы будете настроены враждебно. Вы все крайне напуганы, а испуганный человек враждебен едва ли не рефлекторно, в порядке защиты. Он подозревает всех и вся. Я знал, что вы воспримете меня с подозрением.

– Чушь! – Это был Кэбот, другой адвокат. – Мы не испуганы, и подозревать вас не в чем. Если у вас есть что сказать, говорите.

– Мистер Николас Кэбот, – пояснил я.

– Если вы не испуганы, мистер Кэбот, то и обсуждать нечего. Вот что я имею в виду. Вы можете вернуться домой. – Вулф открыл глаза и медленно обвел взглядом одиннадцать лиц. – Видите ли, джентльмены, я пригласил вас этим вечером сюда лишь после принятия ряда предположений. Если хотя бы одно из них ошибочно, то эта встреча – только пустая трата времени, вашего и моего. Первое предположение: вы убеждены в том, что мистер Пол Чапин убил двоих – возможно, троих – ваших друзей. Второе: вы боитесь, что он убьет и вас, если что-то не предпринять. Третье: мне по силам избавить вас от этого страха, и четвертое: вы охотно заплатите за эту услугу. Ну так как?

Они принялись переглядываться. Майк Эйерс попытался было встать, но Фаррелл вновь усадил его. Пратт пробормотал достаточно громко, чтобы услышал Вулф:

– Звучит неплохо.

Кэбот заявил:

– Мы убеждены, что Пол Чапин представляет собой опасность для общества. Это, естественно, касается нас. Что до ваших способностей...

Вулф направил на него палец:

– Мистер Кэбот, если вам доставляет удовольствие отстаивать выдумку, будто вы явились сюда этим вечером защищать общество, я не стану портить вам развлечение. Вопрос в следующем: сколько вы за это берете?

От внезапного вопля Майка Эйерса мы все так и подскочили.

– Ах ты, хитрюга Ник! – После чего тут же последовало писклявое хныканье. – Ники, дорогой...

Фаррелл ткнул Эйерса под ребра. Кто-то проворчал:

– Да заткните же его!

Однако взгляды двух-трех остальных, направленные на Кэбота, подтверждали правоту Вулфа. Этого типа можно было унять, лишь ткнув его носом.

Подал голос кто-то еще, спокойно и непринужденно:

– Какая разница, напуганы мы или нет? – Это оказался Эдвин Роберт Байрон, редактор журнала. – Положим, я признаюсь, что напуган, и что это изменит? На мой взгляд, суть в том, что мистер Вулф предлагает предпринять относительно этого? Пускай он озвучит свои посылки...

– Пускай идет к черту! – Майк Эйерс все-таки поднялся, вырвавшись из хватки Фаррелла, и двинулся к столу в нише. На полпути он развернулся и обрушился на них. – Ты чертовски прав: мы напуганы! Мы вздрагиваем при малейшем шуме и озираемся назад. Черт, вам отлично известно, как мы боимся! Ну-ка, кто не спал всю прошлую ночь и гадал, как же он сцапал Энди и что он с ним сделал, – поднимите руки! Слышал о нашей маленькой организации, Вулф, ты, старый плут? О Лиге искупления? Мы переименовываемся в Клуб трусов. Ну – или в Страусиную лигу. – Он наполнил стакан и поднял его, но я и не подумал предупредить его, что он по ошибке взял графин с хересом. – Друзья мои! За Страусиную лигу! – Он прикончил напиток одним героическим глотком. – Можете сделать мне плюмаж. – Тут он нахмурился и скорчил страшную гримасу отвращения и негодования. – Кто, черт побери, положил конский навоз в виски?!

Фаррелл от души разразился хохотом, к нему подключился Пратт. Цветовод Драммонд захихикал. Брокер Боуэн, либо действительно скучавший, либо весьма удачно притворявшийся таковым, достал сигару, обрезал у нее кончик и закурил. Я отыскал Майку Эйерсу нужную бутылку, потому что знал: ему нужно избавиться от привкуса во рту.

Поднялся Ли Митчелл из Бостона:

– Если позволите, я выскажусь, джентльмены. – Он откашлялся. – Конечно же, я не один из вас, но я уполномочен заявить, что и

мистер Коллар, и мистер Гейнс и вправду напуганы, они убедились в репутации мистера Вулфа и готовы принять во внимание его предложения.

– Хорошо. – Тон Вулфа немедленно пресек гул комментариев; Вулф посмотрел на меня. – Арчи, пожалуйста, раздай те бумажки.

Они лежали в верхнем ящике моего стола, двадцать копий – просто на всякий случай. Я достал их и раздал. Вулф получил по звонку пиво и наполнил стакан. Выпив половину, он произнес:

– Как видите, это всего лишь список ваших фамилий и рядом с каждой проставлена денежная сумма. Проще всего мне объяснить его вам, прочтя меморандум, который у меня здесь... или где он? Арчи?

– Вот он, сэр.

– Благодарю... Я продиктовал его в таком виде. Его можно переложить официальными юридическими формулировками или оставить как есть это уж как вы захотите. Меня вполне удовлетворила бы изначальная форма. Для краткости я ссылаюсь на вас, чьи имена перечислены в полученном вами списке – как отсутствующих, так и присутствующих, – как на лигу. Меморандум предусматривает:

1. Я обязуюсь освободить лигу от всяких опасений и ожидания причинения вреда от:

а) Пола Чапина;

б) лица или лиц, которые посылали напечатанные на машинке стихотворные предупреждения;

в) лица или лиц, ответственных за смерть Уильяма Р. Харрисона и Юджина Дрейера, а также за исчезновение Эндрю Хиббарда.

2. Решение относительно удовлетворительного выполнения принятых мной обязательств будет вынесено большинством голосов членов лиги.

3. Расходы по выполнению задания в течение ведения дела я беру на себя. В случае моей неудачи лига возмещать их не обязана.

4. Если же будет решено, что задание выполнено мной удовлетворительно, все члены лиги заплатят мне гонорар, размеры которого указаны рядом с фамилией каждого члена в прилагаемом списке, причем члены лиги несут ответственность за то, чтобы гонорар был выплачен мне полностью.

– Полагаю, в нем учтено все. Конечно же, если вы пожелаете ограничить его каким-то сроком...

Николас Кэбот прервал Вулфа:

– Это абсурд! Я даже обсуждать его не буду.

Джулиус Адлер проговорил с улыбкой:

– Думаю, нам стоит поблагодарить секретаря мистера Вулфа за подсчет итоговой суммы и избавление нас от потрясения. Пятьдесят шесть тысяч девятьсот пятнадцать долларов. Однако! – Его брови вскинулись вверх, да так там и остались.

Коммерс, потративший на дорогу из Филадельфии по меньшей мере десять долларов, произнес свою первую речь:

– Я знаю не так уж и много о ваших способностях, мистер Вулф, но вот о нахальстве кое-что узнал.

Остальные начали выступать общим хором, они прямо готовы были нас затоптать.

Вулф подождал примерно с минуту и затем поднял руку ладонью наружу, что было для него довольно бурной жестикуляцией:

– Пожалуйста, джентльмены. В действительности для полемики совершенно нет оснований. Все просто: я предлагаю продать вам нечто по установленной цене. Если вы считаете, что цена чрезмерна, вас никто не принуждает покупать. Впрочем, в этой связи могу заметить, что в воскресенье мисс Эвелин Хиббард предлагала заплатить мне десять тысяч долларов за означенную услугу. В этом

списке нет ни одного пункта выше десяти тысяч долларов, а сама мисс Хиббард не подвергается опасности.

– Ну да, – отозвался Джордж Пратт, – и вы отказали ей, чтобы потрясти нас. Вы просто собираетесь получить максимальную выгоду, да?

– Как бы то ни было, меморандум абсурден во всех отношениях. – Николас Кэбот подошел к столу Вулфа, придвинул меморандум и принялся его просматривать. – Чего мы хотим, так это поставить Пола Чапина на место. Эта попытка увиливания...

– Вы меня поражаете, мистер Кэбот. – Вулф вздохнул. – Я сформулировал меморандум подобным образом, поскольку знал, что здесь будут присутствовать два проницательных адвоката, и решил предвосхитить их возражения. В силу обстоятельств мысль о виновности Пола Чапина столь глубоко проникла в ваш ум, что вы отчасти утратили душевное равновесие. Я не мог обязаться избавить вас от опасений только тем, что стал бы добиваться обвинения мистера Чапина в убийстве. Если бы я поступил подобным образом, а расследование не доказало бы его виновности, то сами собой возникли бы две трудности. Во-первых, мне пришлось бы его подставить, чтобы получить свои деньги, а это оказалось бы не только непорядочно по отношению к нему, но и обернулось бы крупными хлопотами для меня самого. Во-вторых, настоящий злоумышленник остался бы на свободе и продолжал бы осуществлять свой замысел, а вы, джентльмены, по-прежнему были бы испуганными... или мертвыми. Я хотел учесть...

– Чушь! – Кэбот нетерпеливо оттолкнул от себя меморандум. – Мы убеждены, что это Чапин. Мы знаем, что это он.

– Как и я. – Вулф кивнул и вновь замер. – Да, я убежден, что бояться вам следует Чапина. Однако, составляя сей меморандум, я решил, что неплохо было бы учесть все непредвиденные обстоятельства, и, как адвокат, вы просто обязаны согласиться со мной. В конце концов, что в действительности известно? Очень мало. Например: а что, если это Эндрю Хиббард, мучимый угрызениями

совести, вбил себе в голову мысль отомстить от лица человека, которого вы все покалечили? «Ты должен был убить меня!» Что, если после совершения убийств двоих из вас он понял, что не вынесет этого, удалился куда-то и покончил с собой? Подобная версия не противоречит ничему из известного нам. Или же кто-то из вас, а то и вовсе посторонний принялся сводить личные счета и воспользовался запашкой от этой заварухи с Чапином, чтобы создать ложный след. Это могли бы быть вы, мистер Кэбот, или доктор Бертон, или мистер Майкл Эйерс... Да кто угодно. Вы говорите «чушь», и, если честно, я согласен с вами, но почему бы не учесть все возможности?

Кэбот опять придвинул к себе меморандум. Поднялся Джулиус Адлер, подошел к столу и присоединился к изучению документа. Остальные зашептались. Майк Эйерс растянулся в кресле, глубоко засунув руки в карманы и зажмурился. Джулиус Адлер заметил:

– Последнее положение не обсуждается. Эта совместная ответственность за общую сумму. Мы не станем это рассматривать.

Щеки Вулфа немного растянулись.

– Согласен с вами, мистер Адлер. На этом я настаивать не буду. Сказать по правде, я вставил данное положение специально, чтоб вам было что удалить.

Адлер крикнул. Цветовод Драммонд, вместе с Праттом и Артуром Коммерсом присоединившийся к адвокатам, снова захихикал. Кэбот хмуро взглянул на Вулфа и произнес:

– Вы не так уж и шустры, а?

– Относительно. По части переговоров я не очень. Пожалуй, чересчур прямолинеен. Это недостаток характера, от которого я не могу избавиться. Взять хотя бы мое предложение вам. Я могу лишь представить его и сказать: принимайте или отказывайтесь. Я компенсирую этот недостаток тем, что делаю предложения такими привлекательными, что от них не так-то легко и отказаться.

Тут, к своему удивлению, я заметил на лице Кэбота подобие улыбки, и на какую-то секунду он, черт побери, даже мне

понравился. Адвокат отозвался:

– Конечно. Сочувствую вашему недостатку.

– Благодарю. – Вулф обвел взглядом остальных. – Ну, джентльмены? Я лишь упомяну еще два незначительных момента. Во-первых, я не включил в меморандум оговорку, что вы должны сотрудничать со мной, но, естественно, ожидаю этого. Без вашей помощи я мало чего добьюсь. Мне хотелось бы, чтобы мистер Гудвин и другие мои люди могли беспрепятственно навещать вас в любое разумное время, а с некоторыми из вас я хотел бы поговорить лично. Здесь нет возражений?

Трое-четверо закивали. Джордж Пратт из группы возле стола тоже согласился:

– Принимается.

Кэбот улыбнулся уже открыто и пробормотал:

– Не забывайте про свой недостаток.

– Хорошо. Второй момент, касательно денег. На мой взгляд, назначенные мной суммы вполне посильны и отнюдь не грабительские. Если же у меня не получится удовлетворить вас, я останусь ни с чем, так что дело сводится к следующему: готов ли в настоящий момент мистер Гейнс выплатить мне восемь тысяч долларов, доктор Бертон семь тысяч и мистер Майкл Эйерс сто восемьдесят в обмен на освобождение от охватившего их страха? Не сомневаюсь, что вы согласны с распределением счетов согласно платежеспособности.

Снова последовали кивки. Вулф постепенно урезонивал их, подчинял себе. Я мысленно усмехнулся: «Шеф, вы прелесть, только и всего, вы просто прелесть!» Ли Митчелл из Бостона заговорил снова:

– Конечно же, я не могу наверняка отвечать за мистера Коллара и мистера Гейнса. Думаю, могу лишь сказать, что вы, скорее всего, сможете рассчитывать на них. Сегодня же вечером я вернусь в Бостон, и завтра они вам телеграфируют.

– Можете вычеркнуть Элкуса, – заметил Кэбот. – Он не заплатит ни цента.

– Нет?

– Нет. Он такой же сентиментальный, каким был и Энди Хиббард. Он скорее позволит нас всех перебить, чем поможет схватить Пола Чапина.

– В самом деле? Пагубно позволять капризам сердца заражать разум. Посмотрим... Джентльмены, теперь надо убедиться еще в одном пункте. Честно говоря, мне вовсе не хотелось бы, чтобы когда угодно в будущем кто-нибудь из вас счел возможным заявить, будто я действовал с грубостью или мстительностью, которые вы не предполагали или же не желали. Насколько я понимаю, все вы убеждены, что Пол Чапин – убийца, что он угрожал вам смертью и что его необходимо схватить, разоблачить, осудить и казнить. Я намерен попросить мистера Гудвина огласить ваши имена. Если мое понимание верно, отвечайте, пожалуйста, «да».

Он кивнул мне. Я взял список, в котором отметил присутствовавших. Прежде чем я начал, вмешался Ли Митчелл:

– На этот пункт я могу ответить за мистера Коллара и мистера Гейнса. Безоговорочно. Их ответ «да».

Все заерзали, однако никто не издал ни звука. Я приступил к перекличке:

– Фердинанд Боуэн.

Хрипло, но твердо брокер ответил:

– Да.

– Доктор Лоринг Э. Бертон.

Какое-то время царила тишина, затем Бертон произнес так тихо, что я едва расслышал:

– Нет.

Все посмотрели на него. Он огляделся по сторонам, сглотнул и внезапно взорвался:

– Чушь! Да, конечно же! Романтическая чушь! Да!

Фаррелл бросил ему:

– Хотел бы надеяться. Удивительно, что ты не оказался первым.

Я продолжил:

– Огастес Фаррелл.

– Да.

Я назвал остальных – Драммонда, Кэбота, Пратта, Адлера и Коммерса. Все они сказали «да». И наконец:

– Майкл Эйерс.

Он все так же полулежал в кресле. Я снова назвал его. Фаррелл, сидевший рядом, ткнул его в бок:

– Майк! Эй! Скажи «да».

Майк Эйерс пошевелился, открыл в прищуре глаза, рявкнул «да!» и снова выключился.

Я повернулся к Вулфу:

– Это все, сэр.

Обычно я обращаю внимание, когда Фриц проходит по прихожей ответить на звонок в дверь, но на этот раз не услышал – по-видимому, был слишком увлечен перекличкой. Поэтому я и удивился, увидев, как дверь в кабинет открывается. Остальные тоже проследили за моим взглядом. Фриц зашел в кабинет на три шага и ждал, пока Вулф не кивнул ему.

– К вам джентльмен, сэр. У него нет визитки. Он велел передать – мистер Пол Чапин.

– Ну конечно. – Вулф даже не шелохнулся. – Конечно. Пригласи его.

Глава 6

Фриц отправился в прихожую за посетителем. Я как-то растерялся, но Вулф, вероятно, нет – не знаю. Мне следовало обратить внимание на выражения лиц наших гостей, но, увы, взгляд мой так и приклеился к двери. Полагаю, все остальные тоже уставились на нее, за исключением Вулфа. Из прихожей донесся стук трости Пола Чапина о плитку пола в прихожей.

Он проковылял в кабинет и остановился в нескольких шагах от двери. Со своего места он не мог видеть Вулфа из-за собравшихся перед его столом. Чапин оглядел их, затем сидевших в креслах, дважды дернул подбородком вверх, словно разволновавшаяся лошадь, пытающаяся скинуть поводья. Он произнес: «Привет, парни» – и захромал дальше в комнату, пока не смог увидеть Вулфа, предварительно бросив быстрый пронизательный взгляд на меня. Чапин стоял от меня менее чем в восьми футах. Он был одет для вечернего приема, в смокинг, и выглядел отнюдь не крупным парнем, скорее ниже среднего роста, нежели выше. Худым назвать его было нельзя, хотя кости и проглядывали под кожей лица с гладкими щеками, обычным носом и светлыми глазами. Когда он повернулся ко мне спиной, чтобы посмотреть на Вулфа, мне открылось, что пиджак на нем поверх правого заднего кармана брюк топорщится, и тогда я сел так, чтобы в случае чего можно было беспрепятственно выпрыгнуть.

Внятных откликов на приветствие Чапина не прозвучало. Он снова оглядел собравшихся и вновь обратил свой взор на Вулфа, улыбнувшись ему:

– Это вы мистер Вулф?

– Да. – Вулф сплел пальцы на животе. – А вы – мистер Чапин.

– Да, – кивнул Пол Чапин. – Я был в театре. По моей книге поставили пьесу. А потом подумал, не заглянуть ли к вам.

– По какой книге? Я прочел их все.

– Прочли? Вот как. Никогда бы не подумал... «Железная пята».

– О да. Эта. Примите мои поздравления.

– Благодарю. Надеюсь, вы не возражаете против моего визита. Я знал об этом собрании. Мне сообщили о нем три моих друга – Лео Элкус, Лорри Бертон и Алекс Драммонд. Вы не должны винить их за это, за исключением, пожалуй, Лео. Полагаю, им двигали благие намерения, в то время как остальные пытались запугать меня. Они пытались запугать меня сыщиком, однако, чтобы сыщик получил какой-нибудь результат, жертва должна знать, почему ей стоит его бояться. К сожалению, я вас не знал. У меня есть основания бояться вас?

С первого же слова Чапин не отрывал взгляда от Вулфа, совершенно игнорируя остальных. На их же лицах отражались различные реакции на него: Митчелл из Бостона разглядывал его с любопытством, Боуэн – с мрачной бесстрастностью, Кэбот – с тревогой и возмущением, Майк Эйерс – с хмурым отвращением... Я изучал их. Внезапно доктор Бертон встал, шагнул к столу и схватил Чапина за локоть.

– Пол, ради бога! – закричал он. – Убирайся отсюда! Это ужасно. Убирайся!

Вмешался и цветовод Драммонд, его интеллигентный тенор на повышенных тонах превратился в разъяренный визг:

– Это уже слишком, Пол! После всего, что мы... что я... Ты, грязная крыса-убийца!

Остальные, справившись с оцепенением, тоже обрели дар речи. Вулф резко оборвал их:

– Джентльмены! Мистер Чапин – мой гость! – Он взглянул на Чапина, опиравшегося на трость. – Присаживайтесь. Возьмите кресло. Арчи...

– Благодарю, не стоит. Через мгновение я покину вас. – Чапин улыбнулся окружающим. Это была бы обыкновенная приятная улыбка, если бы не его светлые глаза, в которых она не отражалась совершенно. – Я простоял на одной ноге двадцать пять лет. Все вы,

конечно же, знаете об этом, мне нет нужды напоминать. Приношу свои извинения, если мой приход вызвал у вас раздражение. В самом деле, я ни за что не стал бы расстраивать вас, друзья. Вы все были слишком добры ко мне, и вы прекрасно это знаете. Если позволите, выразусь несколько литературно и сентиментально... Вы облегчили мне бремя жизни. Я никогда этого не забуду, и я говорил вам это тысячу раз. Конечно же, теперь, когда я как будто обрел свое *métier*^[6], когда я встал на ноги, то есть на ногу, – он снова разослал по сторонам улыбку, – я смогу пройти остаток пути и без вас. Но я всегда буду благодарен вам. – Он повернулся к Вулфу. – Вот такие дела, понимаете ли. Однако явился я сюда отнюдь не для того, чтобы произнести эту речь, а посмотреть на вас. Я надеялся, что вы, возможно, здоровый и разумный человек. Так ли это?

Вулф глядел на него. Я сказал про себя: берегись, Пол Чапин, берегись этих прикрытых глаз и последуй моему совету: заткнись и живее вали отсюда! Вулф произнес:

– Порой я достигаю этих вершин, мистер Чапин.

– Попытаюсь поверить вам. Таких на самом деле весьма мало. Я лишь хотел сказать вам следующее: мои друзья потратили массу времени и средств в погоне за миражом, который кто-то искусно спроецировал для них. Я говорю вам прямо, мистер Вулф, я был потрясен, что они в итоге заподозрили меня – меня! – прекрасно зная, сколь я благодарен им за всю их доброту! Ей-богу, просто невероятно! И я захотел изложить это вам, чтобы уберечь хотя бы вас от напрасной траты времени и денег. Вы ведь не окажетесь таким глупцом, чтобы гоняться за миражом?

– Уверяю вас, сэр, я слишком уж неподвижен, чтобы гоняться за чем бы то ни было. Однако, быть может – раз уж вы, как говорите, точно не причастны к этому, – быть может, у вас имеется собственная версия относительно происшествий, столь взволновавших ваших друзей? Это помогло бы нам.

– Боюсь, нет. – Чапин с сожалением покачал головой. – Хотя представляется весьма вероятным, что это лишь грубая шутка, но я

понятия не имею...

– Убийство – это не шутка, мистер Чапин. Смерть – не шутка.

– Нет? Правда нет? Вы так уверены? Рассмотрите доводы посерьезнее. Возьмите меня, Пола Чапина, к примеру. Осмелитесь ли вы утверждать, что моя смерть не обернется шуткой?

– Это почему же?

– Ну ведь это естественно. Колоссальная разрядка. Притязания смерти на ужас, учитывая предшествовавшее ей в моем случае, окажутся неопишимо смехотворными. Поэтому-то я столь признателен своим друзьям, их заботливости, их внимательности...

Его прервал вопль позади – полный муки вопль доктора Бертона:

– Пол! Пол, ради бога!

Чапин живо развернулся на здоровой ноге:

– Да? – Ни на йоту не повысив голоса, он вложил в интонацию столько презрения, что оно смогло бы иссушить всю любовь Божью. – Да, Лорри?

Бертон посмотрел на него, молча покачал головой и отвел глаза. Чапин снова повернулся к Вулфу. Тот произнес:

– Значит, вы придерживаетесь версии шутки.

– Не совсем так. Просто она представляется мне вероятной. Что же касается меня, мистер Вулф, дело лишь в следующем: я страдаю от заблуждения моих друзей, будто я представляю для них опасность. Они на самом деле боятся меня. Меня! И страдания мои весьма значительны, это действительно так. Штука в том, что более безобидного создания, нежели я, и вообразить-то трудно. Да я сам боюсь! Сообразно телосложению боюсь всего. Например, из-за своей жалкой психической неадекватности я постоянно пребываю в страхе насильственного нападения того или иного рода и потому обычно вооружен. Вот...

Пол Чапин устроил переполох будь здоров! Когда его правая рука скользнула за спину и задрала полу смокинга, из группы раздалось два-три предостерегающих возгласа, а я бросился на него. От моего толчка он, черт возьми, едва не опрокинулся – он ведь еще и

опирался на трость, – однако я схватил его за правое запястье и удержал от падения. Затем левой рукой выдернул револьвер из его заднего кармана.

– Арчи! – набросился на меня Вулф. – Освободи мистера Чапина. – Я отпустил его руку, но Вулф не унимался: – Отдай ему его... вещь.

Я взглянул на оружие: выдавший виды револьвер тридцать второго калибра, оказавшийся незаряженным. Пол Чапин, в светлых глазах которого так и не появилось какого-либо выражения, протянул руку. Я вложил в нее револьвер, и он так и оставил его лежать на ладони, словно это была тарелка с яблочным муссом.

– Черт тебя побери, Арчи! – воскликнул Вулф. – Ты помешал мистери Чапину сделать драматичный и эффектный жест. Я понимаю, мистер Чапин. Приношу извинения. Могу я взглянуть на оружие?

Чапин протянул ему револьвер, и Вулф осмотрел его. Затем откинул барабан, вернул его на место, взвел курок, щелкнул спусковым крючком и снова осмотрел. Наконец заключил:

– Опасное оружие. Оно пугает меня. Как и любое оружие. Могу я показать его мистери Гудвину?

Чапин пожал плечами, и Вулф вручил мне револьвер. Я внимательно изучил его под лампой, взвел курок, увидел то же, что и Вулф, и усмехнулся. Но потом поднял глаза, обнаружил на себе взгляд Пола Чапина, и мою усмешку как рукой сняло. По-прежнему можно было сказать, что в них не было никакого выражения, однако в их глубине чувствовалось нечто, что мне не захотелось бы извлечь на обозрение. Я протянул ему револьвер, и он засунул его обратно в задний карман. Потом беззаботно заметил как мне, так и Вулфу:

– Вот и все, как видите. Эффект чисто психологический. Я многое узнал о психологии от своего друга Энди Хиббарда.

Последовали восклицания. Джордж Пратт шагнул к Чапину и уставился на него испепеляющим взглядом. Руки его так и дергались, пока он сбивчиво выкрикивал:

– Ты... ты змея! Если бы ты не был чертовым калекой, я бы лупил тебя, пока не решил бы, что ты больше не опасен...

Чапин и бровью не повел:

– Да, Джордж. И как же это я стал чертовым калекой?

Смутить Пратта оказалось не так-то легко.

– Я помог, когда-то. Не отрицаю. То был несчастный случай, они происходят со всеми нами, только не столь тяжелые, как с тобой. Боже, неужели ты не можешь забыть о нем? В тебе совсем нет человека? Ты свихнулся, что ли...

– Нет. Человека? Нет, – перебил его Чапин и вновь улыбнулся одними лишь губами, потом оглядел остальных. – Хотя вы, парни, все люди. Не так ли? Каждый. Благослови вас Бог. Это мысль – зависит от Божьего благословения. Попробуйте. Я вот раз попробовал. А теперь вынужден просить извинить меня. – Он повернулся к Вулфу. – Всего хорошего. Я удаляюсь. Благодарю за гостеприимство. Надеюсь, я не слишком отяготил ваш интеллект.

Он кивнул Вулфу и мне, развернулся и двинулся прочь. Его трость трижды ударила о ковер, когда его остановил призыв Вулфа:

– Мистер Чапин, чуть не забыл. Могу я отнять у вас всего лишь несколько минут? Просто небольшое...

Тут его перебил Николас Кэбот:

– Ради бога, Вулф, пускай он уйдет...

– Пожалуйста, мистер Кэбот. Вы позволите, джентльмены? Просто небольшое одолжение, мистер Чапин. Поскольку вы не преследуете никаких дурных намерений и, как и мы, желаете избавить ваших друзей от трудностей, то, надеюсь, согласитесь на небольшой тест. Я знаю, он покажется вам бессмысленным, совершенно бесцельным, но я все равно хотел бы его провести. Как, поможете мне?

Чапин обернулся. Мне показалось, вид у него был настороженный.

– Возможно, – отозвался он. – Что за тест?

– Крайне простой. Полагаю, вы пользуетесь пишущей машинкой?

– Естественно. Я сам печатаю свои рукописи.

– У нас здесь есть пишущая машинка. Не соблаговолите ли сесть за стол мистера Гудвина и напечатать кое-что под мою диктовку?

– С какой стати? – Чапин колебался и теперь-то уж точно осторожничал. Он огляделся по сторонам и увидел двенадцать пар глаз, устремленных на него. Тогда он улыбнулся и беспечно продолжил: – Впрочем, если уж на то пошло, почему бы и нет? – Он заковылял в мою сторону.

Я достал машинку, вставил лист бумаги, поднялся и взялся за кресло, чтобы придержать для него. Он покачал головой, и я отошел. Чапин прислонил трость к столу и уселся самостоятельно, рукой затолкнув хромую ногу под стол.

Все молчали. Он посмотрел на Вулфа и сказал:

– Я печатаю не очень быстро. Двойным интервалом?

– Пожалуй, одинарным. Так будет больше походить на оригинал. Готовы? – Внезапно, совершенно неожиданно, голос Вулфа зазвучал громко и выразительно: – «Ты должен был убить меня, – запятая, – увидеть мой последний вздох...»

Воцарилась полнейшая тишина. Она длилась секунд десять. Затем пальцы Чапина зашевелились, и машинка застучала, звучно и быстро. Я следил за появляющимися на бумаге словами. Возникли первые три, но на четвертом машинка споткнулась. Она остановилась на «и» в слове «убить», и остановилась совсем. Снова повисла тишина. Можно было бы услышать, как падает перо. Нарушил безмолвие Пол Чапин. Он задвигался – неспешно, но весьма категорично. Оттолкнулся от стола, поднялся, взял трость и пошел прочь. Он слегка задел меня, а Артуру Коммерсу пришлось уступить ему дорогу. Перед дверью Чапин остановился и обернулся. Он не казался особенно смущенным, а в его светлых глазах ничего нового так и не появилось, насколько я мог видеть со своего места.

Он объявил:

– Был бы рад помочь в любом настоящем тесте, мистер Вулф, но не испытываю желаний становиться жертвой розыгрыша. Кстати, я ссылался на интеллект, а не на грубую и очевидную хитрость.

Он развернулся. Вулф прошептал:

– Арчи...

Я вышел помочь ему надеть пальто и открыть дверь перед ним.

Глава 7

Когда я вернулся в кабинет, там уже стоял гул от разговоров. Майк Эйерс переместился к столу, чтобы выпить, и к нему присоединились трое-четверо других. Доктор Бертон, сунув руки в карманы, хмуро слушал Фаррелла и Пратта. Вулф расцепил руки и выражал собственное внутреннее смятение, почесывая пальцем нос. Когда я подошел к его столу, адвокат Кэбот говорил ему:

– У меня появилось соображение, что гонорар вы получите, мистер Вулф. Я начинаю верить в вашу репутацию.

– Скидок за комплименты я не делаю, сэр. – Вулф вздохнул. – Что до меня, то мое соображение заключается в том, что, если я получу гонорар, я его заработаю. Ваш друг мистер Чапин – человек исключительный.

– Пол Чапин – деформированный гений, – кивнул Кэбот.

– Всякий гений деформирован. Включая и мой. Но коли на то пошло, и вся жизнь. Безумная и бесполезная закваска из веществ изначально предполагала захватить пространство, не потревожив его. Но – увы! – вот мы и в самой гуще беспорядка, и единственный приходящий нам на ум способ вынести его заключается в том, чтобы присоединиться к нему и устроить бучу, какую только может предложить наша изобретательность... Как Пол Чапин обзавелся этой своей личной деформацией? Я имею в виду известный несчастный случай. Расскажите о нем. Насколько я понимаю, он произошел в университете.

– Да. Это было ужасно. – Кэбот присел на край стола. – В этом нет никакого сомнения, но, боже правый, другие – с войны, например... А, ладно. Полагаю, Пол был деформирован с самого начала. Он был первокурсником, а остальные со второго курса и старше. Вам известен Ярд?

– Ярд?

– В Гарварде.

– Никогда там не был.

– Ладно. Там есть три общежития, называются Тейер-Холл. Все произошло в Тейер-Миддл-Энтри, «Адском колене». Как-то вечером мы распивали внизу пиво, и к нам присоединились кое-кто из других общежитий, например Гейнс и Коллар. Мы неплохо веселились, когда около десяти вечера появился парень и заявил, что не может попасть в свою комнату. Он оставил ключ внутри, а дверь захлопнулась. Естественно, мы разразились аплодисментами.

– Забыть ключ – это было достойно восхищения?

– Ах нет! Мы аплодировали возможности. Выйдя наружу через окно вестибюля или другой комнаты, можно было по узкому выступу добраться до окна любой запертой комнаты и так попасть внутрь. Трюк довольно опасный – не стал бы исполнять его сейчас в надежде на высший суд, но на первом курсе я его проделывал, да и многие другие. Всякий раз, когда старшекурсник забывал ключ, по местному обычаю для выполнения этой услуги призывался первокурсник. Для проворства молодости в этом трюке не было ничего исключительного. В общем, когда этот парень – а это был Энди Хиббард, – когда он объявил, что его комната заперта, мы, естественно, только обрадовались возможности немного погонять новичка. Мы осмотрелись по сторонам в поисках жертвы. Кто-то услышал шум в вестибюле, выглянул и заметил одного, проходившего мимо. Он подозвал его к нам, и тот вошел. Это оказался Чапин.

– Он учился на первом курсе.

Кэбот кивнул:

– Пол уже в том возрасте был личностью, обладал внутренней силой. Может, он уже тогда был деформирован. Я не психиатр. Энди Хиббард сказал мне... Но это все равно ничего вам не даст. Как бы то ни было, мы обычно старались его не трогать. И вот теперь по случайности он попался нам. Кто-то сообщил ему, чего от него хотят. Он воспринял это вполне спокойно. Спросил, на каком этаже располагается комната Энди, и мы порадовали его, что на четвертом,

три пролета вверх. Пол тогда ответил: простите, мол, в таком случае сделать этого он не сможет. Ферд Боуэн накинулся на него: «В чем дело, ты ведь не калека, а?» Чапин ответил, что совершенно здоров. Билл Харрисон, бывший серьезным с самой колыбели, поинтересовался, нет ли у него головокружения. Он ответил, что нет. Мы повели его наверх. Обычно наблюдать за весельем поднималось человек десять, но из-за того, как он себя вел, наверх отправилось тридцать пять ребят. Его никто не трогал. Он пошел, потому что знал, что случится, если он не подчинится.

– А что бы случилось?

– О, всякое. Все, что могло прийти нам в голову. Ну, вы знаете университетских парней.

– Весьма мало.

– Да. Что ж, Чапин пошел. Никогда не забуду его лица, когда он выбирался из окна в вестибюле, спиной вперед. Оно было белое как мел, но было в нем и что-то еще, даже не знаю, что именно. Это проняло меня. И Энди Хиббарда тоже, потому что он протолкался вперед и стал звать Чапина назад, говорить, что сам полезет. Остальные оттащили Энди и велели ему не валять дурака. Все, кто мог, столпились у окна и смотрели наружу. Было полнолуние. Остальные побежали в одну из комнат и высунулись из окон оттуда. Чапин довольно уверенно встал на выступ, выпрямился и немного продвинулся в сторону, насколько только можно вытянув руку, чтобы попытаться достать до следующего окна. Я не видел, как все произошло, я вообще не смотрел, но ребята рассказывали, что он вдруг затрясся и рухнул вниз. – Кэбот замолчал, достал из кармана портсигар и закурил сигарету. Спичку он держал отнюдь не так твердо, как мог бы. Сделав пару затяжек, изрек: – Вот и все. Так все и произошло.

Вулф пробурчал:

– Говорите, вас было тридцать пять человек?

– Да. Как оказалось. – Кэбот снова затянулся. – Мы жертвовали деньги, конечно же, и делали все, что могли. Он провел в больнице

два месяца и перенес три операции. Не знаю, как у него оказался список с нашими именами. Наверное, от Энди. Энди тяжело переживал случившееся. Как бы то ни было, в день, когда его выписали из больницы, он всем нам разослал стихотворение, которое сам сочинил. С благодарностями. Прodelано это было весьма ловко. Среди нас только один проявил достаточно сообразительности, чтобы разглядеть, что это были за благодарности. Питни Скотт.

– Питни Скотт – таксист.

Кэбот удивленно поднял брови:

– Да вы могли бы написать историю нашей группы, мистер Вулф. Пит запил в тысяча девятьсот тридцатом году – одно из последствий Депрессии в стране. Не как Майк Эйерс, чтобы досаждать другим. Для саморазрушения. Я заметил, вы назначили ему пять долларов оплаты. Я заплачу за него.

– Вот как. Это означает, что вы готовы принять мое предложение.

– Ну конечно же я готов. Мы все готовы. Но вы это и так знаете. Что еще мы можем поделать? Нам угрожают смертью, в этом нет никаких сомнений. Понятия не имею, почему Пол так долго выжидал, чтобы выпустить это наружу, если носил в себе с самого начала. Возможно, недавний успех придал Полу уверенности, которой ему не доставало, или же у него появились деньги для финансирования замыслов – не знаю. Конечно же, мы примем ваше предложение. А вы знаете, что месяц назад Адлер, Пратт и Боуэн вполне серьезно обсуждали идею нанять гангстера для его убийства? Они и меня звали, но я отказался – брезгливость у любого где-то да начинается, и, полагаю, то было отправной точкой для моей, – и они оставили эту затею. Что еще мы можем поделать? Полиция бессильна, что вполне понятно, и это даже нельзя поставить им в вину. Они способны срывать планы разнообразнейших людей, но никак не Пола Чапина – отказать ему в исключительности я не могу. Трое из нас месяц назад наняли частных детективов. С тем же успехом мы могли бы нанять отряд бойскаутов. Они днями напролет

искали пишущую машинку, на которой были напечатаны предупреждения, но так ничего и не нашли. А если бы даже и нашли, то вряд ли смогли бы привязать ее к Полу Чапину.

– Да. – Вулф потянулся и нажал кнопку вызова Фрица. – Ваши детективы заходили ко мне и предлагали поделиться своими находками, с вашего согласия. – Появился Фриц, и Вулф кивком велел ему принести пива. – Мистер Кэбот, что мистер Чапин имел в виду, когда говорил, что вы убили в нем человека?

– Ну... Вы об этом стихотворении, да?

– Можно назвать это и стихотворением. Это просто поэзия или же в том числе и техническая информация?^[Z]

– Даже не знаю. – Кэбот опустил глаза; я наблюдал за ним и отметил, что он и в самом деле смущен: значит, и в твоей интимной жизни есть отклонения, а, мистер Неотразимость? Он продолжил: – Не могу сказать. И сомневаюсь, что кто-нибудь из нас смог бы ответить. Вам придется поинтересоваться у его врача.

Вмешался новый голос. Несколькими минутами ранее подошли и стали прислушиваться Джулиус Адлер и Алекс Драммонд. Адлер – полагаю, потому, что сам был адвокатом и, стало быть, не доверял всем остальным адвокатам, а Драммонд – потому, что был тенором. Никогда не встречал тенора, который в итоге не оказывался бы любопытным. Так вот, Драммонд и вмешался с хихиканьем:

– Или у его жены.

Вулф набросился на него:

– Чьей жены?

– Ну как же, Пола.

Если за семь лет я видел Вулфа изумленным, по приблизительным подсчетам, лишь три раза, то этот получался четвертым. Он даже заерзал в кресле, а потом взглянул на Кэбота – не на Драммонда – и потребовал объяснений:

– Что это еще за вздор?

Кэбот кивнул:

– Именно, Пол женат.

Вулф глотнул из бокала, опустошив его наполовину, секунду дал ему отстояться и допил остальное. Затем огляделся по сторонам в поисках носового платка, однако тот упал на пол. Я достал платок из ящика, где специально хранил их, и вручил ему. Он вытер губы и потребовал:

– Расскажите о ней.

– Что ж... – Кэбот собрался с мыслями. – Пол Чапин битком набит деформациями, скажем так, и его жена – всего лишь одна из них. Ее зовут Дора Риттер. Он женился на ней три года назад, они живут в квартире на Перри-стрит.

– Что она собой представляет? Кем была?

Кэбот снова замешкался, но уже по-другому. На этот раз он как будто не собирался с мыслями, а искал выход из положения. Наконец адвокат произнес:

– Я не думаю... Я вправду не думаю, что это как-то поможет вам, но вы наверняка все равно захотите узнать. Но лучше не от меня... Узнайте лучше у самого Бертона. – Он обернулся и позвал: – Лорри! Подойди-ка сюда на минуту.

Доктор Бертон стоял с группой возле стола, занятый разговором и приготовлением виски с содовой и льдом. Он огляделся по сторонам, бросил что-то архитектору Фарреллу и подошел к столу Вулфа. Кэбот обратился к нему:

– Мистер Вулф только что поинтересовался у меня, кем была жена Пола. Может, я проявляю излишнюю деликатность, но лучше об этом рассказать все-таки тебе.

Бертон посмотрел на Вулфа и нахмурился. Потом перевел взгляд на Кэбота и раздраженно заметил:

– Почему не ты или кто-нибудь другой? Все об этом знают.

– Я же сказал, что, может, был чересчур деликатен, – улыбнулся Кэбот.

– Вот именно. – Бертон обратился к Вулфу: – Дора Риттер работала у меня горничной. Ей под пятьдесят, невзрачная до

невозможности, обескураживающе компетентная и неподатливая, что мокрый сапог. Пол Чапин женился на ней в тридцать первом.

– Зачем же он сделал это?

– С тем же успехом вы можете спросить и у него. Чапин – психопат.

– Мистер Хиббард сообщил мне это. Какие обязанности у нее были как у горничной?

– В смысле?

– Работала ли она в вашем кабинете, например?

Бертон нахмурился:

– Нет. Она была горничной моей жены.

– Как долго вы ее знали и как долго Чапин?... Подождите-ка. – Вулф направил на него палец. – Должен попросить вас отнестись ко мне со всем терпением, доктор Бертон. Я только что испытал потрясение и пребываю в замешательстве. Я прочел все романы Пола Чапина и потому естественным образом возомнил, будто едва ли не полностью постиг его характер, нрав, образ его мышления и образ действий. Я пришел к выводу, что он не способен следовать любым традиционным путем, ведущим к супружеству как к эмоциональному, так и к практическому. И новость о его жене ударила меня словно обухом по голове. Я действительно в отчаянии. Мне необходимо выяснить о ней все, что только можно.

– Ах, вам необходимо. – Бертон оценивающе смотрел на него с угрюмой твердостью. – Тогда, пожалуй, мне самому надо это выяснить. Об этом только сплетни и ходили. – Он бросил взгляд на остальных. – Я знал о сплетнях, хотя, конечно же, моих ушей они не достигали. Если я и выдаю какое-то нежелание, то только потому, что это было... неприятно.

– Да.

– Да, неприятно. Полагаю, вы еще не выяснили, что из всех нас, из этой группы, я был единственным, кто знал Пола Чапина еще до университета. Мы приехали из одного города. Я практически вырос с ним. Он был влюблен в одну девушку. Я знал ее. Просто одна из

знакомых девушек, и все. Он сходил по ней с ума и наконец, прежде чем уехал в университет, упорством добился от нее понимания. Потом произошел несчастный случай, он стал калекой, и их отношениям пришел конец. На мой взгляд, рано или поздно они все равно бы прекратились, даже без трагедии. На каникулы я не ездил домой, работал каждое лето. Лишь только окончив медицинский факультет, ненадолго вернулся и узнал, кем стала эта девушка... то есть... я женился на ней. – Он отвлекся на портсигар, что протянул ему Кэбот, покачал головой, вновь повернулся к Вулфу и продолжил: – Мы перебрались в Нью-Йорк. Для моей профессии так было лучше. Я умел найти подход к больному и неплохо разбирался в человеческих внутренностях, в особенности в женских. Заработал кучу денег. По-моему, где-то в двадцать третьем году моя жена наняла Дору Риттер. Да, она проработала у нас восемь лет. Ее компетентность была «словно в ушах негритянки алмаз дорогой»...

– «Эфиопки»^[8].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

РЕКС
СТАУТ

ЛИГА
ПЕРЕПУГАННЫХ
МУЖЧИН

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

Примечания

1

В устной форме (*лат.*). – *Здесь и далее примеч. перев.*

[Вернуться](#)

2

Луис Адамич (1899–1951) – американский писатель и переводчик словенского происхождения, друг Рекса Стаута; по-видимому, именно влиянием Адамича на Стаута Ниро Вулф и обязан своим черногорским происхождением. *Альфред Росситер* (1882–1960) – американский психолог, муж *Рут Стаут-Росситер* (1884–1980), сестры писателя; скорее всего, названная книга – вымышленная.

[Вернуться](#)

3

Местное марочное вино (*фр.*).

[Вернуться](#)

4

Эдмунд Спенсер (1552–1599) – английский поэт Елизаветинской эпохи, старший современник Шекспира.

[Вернуться](#)

5

Аллюзия на библейский стих: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мф. 19: 24; Мк. 10: 25; Лк. 18: 25).

[Вернуться](#)

6

Ремесло (*фр.*).

[Вернуться](#)

7

Здесь, как ясно будет далее, обыгрывается двойное значение английского слова «man» – «человек» и «мужчина».

[Вернуться](#)

8

Шекспир У. Ромео и Джульетта. Акт 1, сц. V. Перевод Аполлона Григорьева.

[Вернуться](#)